

Цикл «Песни звезд»

Книга I

ПРЕДВЕСТИНИКИ МЕЛЬТАРА

Влада Медведникова 18+

Влада Медведникова
Предвестники Мельтиара
Серия «Песни звезд», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34711530

Предвестники Мельтиара: SelfPub;

ISBN 978-5-6048361-9-4

Аннотация

Королевство процветает, однако его жители постоянно пребывают в тревоге. Сотни лет назад их предки завоевали эту страну, истребив населявший ее темный магический народ. Но ходят слухи, что народ этот не исчез, а его выжившие представители просто прячутся, пробираются в города и деревни, ничем не выдают себя, выжидают. Люди опасаются, что темный народ проник уже всюду и каждый, даже друг или родственник, может оказаться врагом. Жизнь пронизана страхом и ожиданием войны. И война начинается. Эли – волшебник на королевской службе. Арца – девушка из темного народа. Они встретились еще до войны, но теперь сражаются по разные стороны.

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	13
3	19
4	28
5	36
6	42
7	49
8	55
9	61
10	68
11	75
12	81
13	86
14	93
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Влада Медведникова

Предвестники Мельтиара

© Влада Медведникова, 2022

© Cover art by Ashley Mackenzie, 2022

© Издание, оформление. Popcorn Books, 2023

Часть первая

1

«Твое место здесь, не уходи из Рощи».

Эти слова звучали так часто, что я забыл, от кого услышал их впервые. Наверное, каждый из живущих в Роще просил меня остаться, но я все равно ушел.

Чувствовал: если задержусь еще на год, как просил учитель, то стану таким же, как все здесь. Буду учиться и учить, бродить в тени деревьев, петь на берегу ручья, следить, как восходит и заходит солнце. Мир за стенами Рощи перестанет манить меня, я забуду о том, к чему стремился.

Поэтому я не стал слушать советов и ушел.

Знал, что поступил правильно, – ведь теперь, приходя в Рощу, я словно погружался в сон, глубокий и спокойный, наполненный шелестом листвы, голосами птиц и движением волшебства. Роща была прекрасным видением, так непохожим на реальность. А я хотел жить наяву.

Я вырос среди деревьев, привык вслушиваться в шаги, узнавать людей по голосам. Солнечные блики и глубокие тени рассекали тропы, ветви заслоняли простор. А в воздухе всегда текла сила, отзвук чужих песен, – она колола пальцы и холодила дыхание.

За стенами Роши мир был другим.

Деревья там не скрывали горизонт, не заслоняли небо и не сдерживали ветер. Насколько хватало глаз простирались поля, лоскутным одеялом уходили вдаль, теряли цвет, становились безжизненной равниной и разбивались о черную гряду гор. Или превращались в песчаные склоны, поросшие редкой сухой травой, – холмы спускались к морю, тонули в прибое. Я никогда не видел море спокойным, волны пенились и шипели у моих ног, ветер был полон соли, не давал дышать. Я часто летал на побережье – я родился где-то там, в одной из рыбацких деревень.

Но, где бы я ни родился, я был рад, что попал в Атанг. Главный город страны белой скалой вспарывал равнину, дома разбегались от дворца – плоские крыши, лестницы, широкие улицы, – а среди камней и городского шума зеленела Роца волшебников. Остров спокойствия и тишины.

Учитель считал: мое место там, но я знаю, что он ошибся.

Я забежал попрощаться с ним и теперь шел обратно, к воротам в город. Нима провожала меня, в опавшей хвое таяли ее шаги. То и дело поворачивалась ко мне, ловила взгляд, и солнце отражалось в ее карих глазах, искрами вспыхивало на волосах.

– Учитель не расстроился, что ты улетаешь? – спросила она.

Мы с Нимой были единственными учениками Зертилена. Выросли вместе, вместе учились, играли среди сосен, дру-

жили и враждовали с другими детьми в Роще. Потом я ушел, а Нима осталась – как и прежде, собирала травы, варила целебные настои, пела и слушала учителя. Я не знал своих родных, но Нима была мне как сестра.

Я отмахнулся.

– Спросил, не пошлют ли со мной большой отряд. – Мы засмеялись вместе, и я добавил: – Думаю, он рад, что выбрали меня.

По Зертилену трудно было понять, рад он или нет. Он пожелал мне удачи и тихо спел над моим оружием – но я не знал этой песни.

Я не стал рассказывать об этом Ниме.

Тропинка нырнула под деревянные створки ворот, и мы остановились. Нима сжала мою руку, прежде чем я успел попрощаться.

– Эли, ты ничего не видел? – спросила она.

Это была наша с Нимой тайна. В тринадцать лет я заболел, лежал в лихорадке и бредил. Нима сидела тогда со мной и потом пересказала, что я говорил. Мы знали, что надо быть внимательными к любым вестям, пришедшим из сна или забытья, и стали ждать. Слова, рожденные лихорадкой, сбылись, и с тех пор я несколько раз наблюдал, как предчувствия и неясные видения становятся правдой.

Не знаю, почему мы никому не рассказали о моих пророчествах. Это стало нашей тайной.

Я покачал головой:

– Нет. Все тихо.

Возможно, Нима сама видела что-нибудь. Может быть, ее мучили предчувствия или сны, которыми она боялась поделиться даже со мной. Может, она гадала, как часто делают девушки в Роще, и ей выпало темное предсказание. Или услышала обрывок чужого разговора. Или просто беспокоилась за меня. Я уже жалел, что попрощался и вышел за ворота, ни о чем не разузнав.

Я обернулся к деревянной створке. Она заскрипела под моей рукой, готовая распахнуться. Но я и так пробыл в Роще слишком долго – солнце подходило к зениту. Уже некогда было возвращаться, расспрашивать Ниму.

От Роши до казарм идти не так долго. Потороплюсь – и успею до удара гонга, до четвертой смены стражи. А если бы я мог взлететь, то оказался бы на месте почти мгновенно. Не пришлось бы шагать по каменному лабиринту: крыши, лестницы и мощеные улицы пронесли бы подо мной со скоростью ветра.

Я могу летать. Я уже поднимался в небо.

Об этом так легко забыть, когда идешь вдоль белых и серых стен, стремясь срезать путь, ныряешь в переулки и ждешь в толпе, пока повозка проедет, освободит дорогу.

Да, я умею летать, моя лодка отправится сегодня в первый дальний полет. Я почти год ждал этого дня, и теперь все решено.

Но я торопился и опаздывал — и досада гасила радость предвкушения. Я хотел попрощаться с городом, как простился с Рощей и со всеми, кто жил там: хотел идти неспешно, смотреть по сторонам, кивать знакомым, запоминать этот день. Но не видел ничего, кроме собственных мыслей, — они клубились, тянули то в Рощу, то в небо, заставляли ускорять шаг. И я сам не заметил, как добрался до казармы.

— Рилэн, ты мне проспорил! — крикнул Джерри, когда я шагнул во двор. — Он пришел до пятой стражи!

Со мной не посылают большой отряд, со мной отправятся только двое. Джерри, которого я знал с того дня, как покинул Рощу, и Рилэн, которого я весь год учил управлять лодкой.

Обычно в это время двор пустует, никого и не увидишь, кроме часовых на крепостной стене. Но сегодня здесь толпились рядовые и офицеры, кто в серой форме, кто в черной. Приветственные оклики неслись со всех сторон, сливались в общий гул. Я махнул рукой, не зная к кому обратиться — кругом было слишком много знакомых. Тех, с кем мы вместе учились, жили в казарме, стояли в карауле. Вчера я простился со всеми на общем построении, и все-таки они пришли проводить меня. Я не знал, что сказать.

Лодка ждала посреди двора, серебристая и легкая, — с каждым шагом я чувствовал, как заключенная в ней песня звучит все громче. Рилэн уже уселся впереди, передвигал рычаги — от его прикосновений неслышный напев взлетал и звенел.

Джерри хлопнул по борту, нетерпеливо мотнул головой. Смуглый, с вечно насмешливой улыбкой и растрепанными темными волосами, он выглядел сейчас так непривычно – в новой черной форме, с новым ружьем за спиной. Джерри повысили в тот день, когда было решено, что он летит со мной.

Я запрыгнул в лодку и устроился на корме, возле рулевого весла. На дне лежали наши вещи: три вещевых мешка со знаками королевской гвардии, ящики с патронами и ружья. Джерри взял слишком много ружей.

Я сбросил перевязь с плеча, положил на дно и свое оружие. Я не стреляю, мне не пригодятся ни патроны, ни порох. Стальной жезл, острый, как пика, с изогнутым крюком вместо рукояти – вот чем я буду сражаться.

Над этим оружием сегодня мой учитель спел незнакомую песню. Я хотел прислушаться, понять, что за силу он вложил в сталь, но сейчас на это не было времени.

– Ты купил сигареты? – спросил я у Джерри.

– А то! – Джерри усмехнулся и швырнул мне сверток. – Ты у меня в долгу.

Я так и не понял, откуда пришел этот предрассудок, из Роши или от горожан. Все в Атанге были убеждены, что волшебникам нельзя курить. В этом году мне исполнилось двадцать лет, но мне никто не продавал сигареты. Не знаю, что бы я делал, если б не Джерри.

– Залезай уже давай, – сказал я. – А то мы прилетим на место только ночью.

– Ну да, конечно, – согласился Джерри. – Это же меня все тут ждали.

Он сел у левого борта, среди ящиков и оружия. Лодка тихо качнулась на опорах.

– Взлетай, – сказал я ей и Рилэну.

Моей лодке не нужна была поддержка извне, но я не смог удержаться. Закрыв глаза и запел еле слышно. Рулевое весло скрипнуло в уключине, прощальные выкрики взрезали воздух, и ветер развеял их, унес вниз.

Я открыл глаза. Двор разворачивался под нами и становился все меньше, терялся среди серых крепостных стен. Королевский дворец, разноцветная площадь перед ним – все стало таким крошечным. Я вскинул голову. Небо пело вместе со мной, несло навстречу, а грохот сердца отзывался в лодке – словно ее наполняла сила, раскаленная от восторга.

Когда моя песня смолкла, город был уже далеко и внизу зелеными и желтыми лоскутами мелькали поля. Мы летели на запад, к границе. К Форту, охранявшему поселения возле гор.

Джерри смотрел вперед, туда, где земля смыкалась с небом.

– Как думаешь, что у них случилось? – спросил он. – Обычные бандиты нападают или все-таки враги?

– Может быть, там давно не осталось никого, кроме врагов. – Я повернул весло, поймал воздушный поток. – И это ловушка.

– Может быть, – кивнул Джерри и вытащил сигареты. – Будем осторожны.

Мы с детства знали, что враги могут быть где угодно.

– Почему вы молчите? Хочу вас выслушать.

Я знала – нужно ответить, но слова казались пустыми и тусклыми.

Уже много лет почти каждый день мы приходим в эту комнату, и каждый раз она другая, незнакомая, но узнаваемая. Переступая порог, я всегда задерживаю дыхание – и все равно кажется, что пол уходит из-под ног. Я не могу предугадать, что увижу: сияющие стены, бесконечные отражения, пропасть, наполненную всполохами огня, или темноту, лежащую как озеро у ног Мельтиара.

Место менялось, но сам Мельтиар оставался прежним, и прежней была его сила – я ни с чем ее не перепутаю, нигде, никогда.

Сегодня мы вошли в пустую комнату. Черные панели убежали к потолку, белый свет отражался в них, бликами ложился на пол. Где-то рядом шумели лопасти, снова и снова рассекали воздух, и искусственный ветер неся на нас, заставлял дышать глубже. Мы ждали Мельтиара – теперь он появился, а мы все еще не проронили ни слова.

Он прошел мимо нас, как мимо строя простых воинов, остановился у стены. Ветер трепал его длинные темные волосы, бросал на лицо, и невозможно было поймать взгляд. Но я знала, что Мельтиар недоволен. Мы все знали.

Я взглянула на остальных. Мы стояли перед ним, четыре звезды Мельтиара, его предвестники, и молчали.

Амира смотрела в пол, ее ресницы часто вздрагивали, словно она боялась расплакаться или заговорить. Рэгиль за-слонял ее от Мельтиара, будто ждал удара и хотел закрыть собой. Лаэнар сжимал кулаки: я знала, он хочет немедленно вернуться в бой, как и я.

Лаэнар взглянул на меня, вздохнул и сказал:

– Мы сделали все, что смогли.

– О. – Мельтиар засмеялся и прислонился к стене. Отра-жение качнулось на темной поверхности. – Мои предвестни-ки смогли так много... Второй раз вернулись, не выполнив задания.

– Но там был этот человек! – воскликнула Амира. Ее го-лос дрожал, как натянутая струна.

Мне хотелось успокоить ее хотя бы взглядом, но я смот-рела на Мельтиара, я не могла обернуться.

– Амира. – Мельтиар говорил тихо. Как предугадать, что он сделает в следующий миг? Может быть, если бы он назвал мое имя, я поняла бы – но сейчас могла только смотреть. – Ты так испугалась одного человека?

Мельтиар был почти неподвижен – смотрел мимо нас, вверх, туда где вращались невидимые лопасти. Черная одеж-да сливалась со стеной, и лишь волосы текли темным пото-ком – ветер не замирал ни на мгновение.

Амира попыталась ответить, но вышел лишь неразборчи-

вый всхлип. Я не сдержалась, шагнула вперед.

– Это был не просто человек, – сказала я. – Он мог летать, нам не удалось напасть сверху. – Мельтиар обернулся, поймал мою руку. Его ладонь была горячей, в ней текла та же сила, что всегда наполняла эту комнату. Я запнулась на миг, но договорила: – Я думаю, это был всадник.

– Арца.

Мельтиар сжимал мою руку все крепче, все больнее, и мое имя звенело в этой боли. Я смотрела в его глаза, в темноту, и теперь точно знала: что бы он ни сказал сейчас и что бы ни сделал, он не сердится по-настоящему. Если мы виноваты, мы сможем все исправить. Так и будет.

– Арца, – повторил Мельтиар и наклонился ко мне. – Вас было четверо, а он один, и вы ничего не смогли сделать? Сколько будет всадников, когда начнется война? Сколько будет врагов на каждого из вас? Что вы будете делать тогда?

Мельтиар выпустил мою ладонь и обвел нас взглядом.

– Мы все исправим! – сказал Лаэнар. Его голос звенел, а слова повторяли мои мысли. – Мы вылетим прямо сейчас! Мы сделаем все что угодно, мы готовы умереть!

– Умирать не надо, – возразил Мельтиар. – У вас другое задание.

Мы хорошо знали задание и тренировались так долго – но вот уже второй раз возвращались ни с чем. Мы должны были держать захватчиков в страхе, мы стали ночными демонами, появляющимися из ниоткуда, несущими разрушения

и кровь. Но вторую ночь подряд селения чужаков спали спокойно.

Мы отступили дважды – из-за одного-единственного человека.

Я зажмурилась на миг, попыталась справиться с чувствами. В груди что-то царапалось, горело, стыд и чувство вины отравляли душу. Мне сейчас хотелось лишь просить о прощении, но я знала: Мельтиару это не понравится.

– И лететь прямо сейчас тоже не надо, – продолжил он. – Идите спать и вылетайте по расписанию.

– Я могла бы улучшить машину, – тихо проговорила Амира. – Пока все будут спать. Я не успею сделать много, но хотя бы кое-что, и тогда...

– Запрещаю, – сказал Мельтиар и провел пальцем по ее щеке, будто стирал слезу. Должно быть, Амира и правда плакала. – Иди спать.

Она кивнула и пошла к двери. Мне хотелось задержаться, подождать – может быть, он назовет мое имя? Но Мельтиар промолчал, не позвал никого, и все четверо мы вышли в коридор.

Снаружи, за стенами и сводами города, солнце уже перешло полдень. Все говорило об этом: и лампы, сияющие на полную мощность, и привкус дневного воздуха в искусственном ветре. В коридоре былолюдно: кто-то приветствовал нас на ходу, другие молча расступались, давали дорогу.

Я запрокинула голову, взглянула на потолок, на светиль-

ники и решетки вентиляции. Меня совсем не клонило в сон, я хотела вырваться стрелой из колодца, черной молнией разрезать синеву неба. Я давно не видела дневного света, тренировки и вылеты начинались с закатом. Как будто мы и правда превратились в ночных демонов.

Скоро все изменится, скоро мы сразимся с врагами открыто. Мельтиар будет с нами, и мир станет нашим.

– Не знаю, – сказал Рэгиль, хмурясь. – Мне кажется, мы должны были объяснить ему, рассказать больше. И дело не в том, сильный или слабый этот всадник... Дело в том, что он нас увидел. Это недопустимо.

Никто не должен видеть, откуда мы прилетаем, никто не должен видеть нашу машину. Мы тайна, мы страх, мы внезапный удар. Рэгиль был прав.

– Но ты промолчал, – ответил Лаэнар, и я услышала вызов в его словах. – Если ты считаешь, что Мельтиар всего этого не знает, почему молчал?

Коридор наполнился звуками – шагами, голосами, шелестом механизмов, – но между нами застыла тишина. Я думала, что Рэгиль не ответит, но он объяснил:

– Обычно говоришь ты. Или Арца. Вы нападающие – и в разговоре, и в битве.

Я хотела возразить: да, мы нападающие, а вы с Амирой пилоты, но все мы предвестники Мельтиара, и мы равны. Только Рэгиль не стал ждать ответа. Он обнял Амиру и повел прочь.

– Не беспокойся. – Лэзар держал меня за руку и говорил уверенно и легко. – Мы рождены, чтобы победить врагов, какими бы они ни были.

Какими бы они ни были.

Иногда мне кажется, что мы знаем о врагах так же мало, как и они о нас.

Почти всю дорогу мы молчали. Лодка мчалась, рассекая небо, и ветер уносил дыхание и слова. Изредка я пел, чтобы добавить ей сил, и земля под нами сливалась в неразличимую пелену. Рулевое весло было теплым и слушалось без труда, но я уже чувствовал, как ноют руки, – мы впервые летели так далеко.

Впереди возвышались горы, темной грядой поднимаясь над равниной. Солнце наливалось красным, готово было скрыться за острыми вершинами. Успеем ли мы прилететь до темноты?

Я потянул весло, и лодка развернулась; солнце качнулось за левым бортом.

– Зачем? – обернувшись, крикнул Рилэн. Встречный поток трепал его светлые волосы. – Мы шли правильно, Форт там!

– Нужно быть осторожней! – прокричал я в ответ. – Вдруг это ловушка! Высадимся рядом!

Рилэн кивнул, передвинул рычаги, и ветер перестал так яростно хлестать в лицо. Мы уже не мчались, а плыли.

Я перевесился через борт. Земля под нами была серой, с тускло-зелеными и желтыми пятнами – должно быть, выгоревшей на солнце травой. Пустынная, ни на что не годная земля, но по ней змеилась дорога. Даже с высоты я различал

движение и клубящуюся пыль: наверняка военный отряд – торговые караваны не скачут так быстро.

Кто бы это ни был, они двигались в сторону гор, туда, где виднелись крохотные домики, такие же серые и невзрачные, как и все вокруг. Селение или пограничный пост – сейчас это было неважно.

– Туда! – сказал я Рилэну. – И скорее!

Мы устремились к земле – самый прекрасный миг! Не падали, а падали, неслись вниз. Небо стало бездной, а лодка – ястребом, ринувшимся на добычу. Я сжимал весло, земля мчалась на нас – и лишь в самое последнее мгновение мы выровнялись и, словно скользя по невидимому склону, приземлились.

Сколько себя помню, я всегда мечтал летать.

От поднявшейся пыли я закашлялся и едва расслышал, как ругается Джерри. Пыль была безвкусной, но жгла глаза. Казалось, она никогда не оседет. Я на ощупь отыскивал оружие, застегнул перевязь и выбрался из лодки.

– И как здесь люди живут?.. – пробормотал Джерри.

Мы приземлились возле дороги. Немощенной – сейчас она дымилась от пыли, а как пойдут дожди, превратится в грязь. Но это была настоящая широкая дорога, и заканчивалась она возле двух высоких столбов – только ни ворот, ни ограды не было. Отряд, который мы видели с высоты, уже въехал за эту невидимую черту, оттуда доносились голоса и конское ржание. Пыль оседала, и я начал различать краски и силу-

эты: кто-то верхом, кто-то спешился, ружья в руках и за спиной, цветные нашивки на одежде. Человек десять или пятнадцать, трудно сказать точнее.

– Пограничный отряд, – проронил Рилэн.

По их торопливым движениям, по неразличимым выкрикам было ясно: они готовы сразиться с нами. Я не мог их винить – лодки плавают по морю, а не летают по небу.

– Уберите оружие, – сказал я.

– Ты же говорил, может быть ловушка, – возразил Джерри, но, даже не оборачиваясь, я знал, что он послушался.

Я взмахнул рукой, отдавая салют. В ответ мне что-то прокричали, но я не понял – приветствие или угрозу. Я вытащил из кармана конверт и поднял над головой. Издалека вряд ли были видны королевские печати, но все же люди разошлись, освободили путь между двух столбов, словно это и правда были ворота.

Настоящих солдат здесь оказалось мало, лишь четверо в желтоватой приграничной форме. Остальные – обычные ополченцы, вряд ли выбиравшиеся дальше родных мест. Но я знал, с ними должен быть хотя бы один офицер, командир отряда.

– А я давно говорю, что в гвардию пора брать женщин, – засмеялся Джерри.

Мы подошли ближе, и я понял, о чем он. Позади расступившихся ополченцев стояла девушка – высокая, с черными косами и красной офицерской лентой, завязанной на шее,

как платок.

Я чувствовал взгляды со всех сторон, настороженные, conclusive. Мы словно внезапно стали чужаками и шли сквозь вражеский строй. Одно неосторожное движение или слово – и зазвучат выстрелы. И я не знал, кто выстрелит первым.

Но земля была безжизненной и тусклой, воздух наполняли только пыль, перестук копыт и голоса людей. Я не чувствовал следов магии, ни одной сияющей струны, ни одной песни – только серебристый отзвук лодки, оставшейся у нас за спиной.

Говорят, магию врагов невозможно почувствовать, но я никогда не верил в это. Любое волшебство сияет и звенит, если к нему прикоснуться.

Здесь не было магии.

Подойдя, я еще раз отсалютовал и протянул черноволосой девушке конверт.

Она взглянула на печати, потом по очереди на каждого из нас. Долгий, изучающий взгляд. Все мы были старше ее по званию, и все же она смотрела на нас как на новобранцев, впервые взявших в руки оружие. Я часто ловил такие взгляды; мне всегда было трудно сдерживаться и молчать в ответ, но сейчас пришлось.

Это граница, сказал я себе. Мы не в Атанге. Здесь другие опасности и другие порядки.

Я трижды мысленно повторил это, пока девушка вскрывала конверт и разворачивала письмо. Бумага хрустела, за-

пах свежих чернил еще не выветрился, чувствовался даже в здешней пыли.

Мы не в Атанге. Я повторил это еще несколько раз, пока она читала.

Атанг или граница – мы в одной стране, и у нас одни законы. Я не знал, сколько еще смогу молчать.

Наконец она вернула мне бумаги и коротко отсалютовала.

– Аник, – сказала она. – Командир пограничного отряда, четвертый пост.

– Отличные укрепления, – радостно сообщил Джерри.

Аник не взглянула на него.

Укреплений здесь не было. Четвертый пограничный пост с земли выглядел еще невзрачней, чем с воздуха: низкие бараки, пыль, запустение, отряд из ополченцев и женщина-командир.

По уставу она должна была дожидаться моего ответа. Но, видимо, за пределами Атанга про устав мало кто слышал.

– Мы просили прислать подкрепление.

Я уже видел, как снова отдаю ей конверт, слышал, как говорю: «Перечитай. Если сложно, я прочту вслух, здесь все написано». Эти слова были так близко, почти на выдохе – наверное, Аник ощутила их.

– Я так понимаю, прислали только вас? – сказала она. Ее уверенность и строгость поблекли, превратились в усталость. – Больше нам никого не ждать?

– Да, – кивнул я. – Но вам прислали больше, чем вы про-

сили.

«Вы втроем стоите двух отрядов» – так нам сказали перед отлетом. Я не собирался это объяснять.

Аник вновь оглядела нас и проговорила:

– Я должна доложить вам обстановку. Пойдемте.

Пока мы шли, напряжение вокруг исчезало: ополченцы вернулись к своим делам, расседлывали лошадей, разговаривали. Враждебность таяла с каждым шагом, и так же таяла, затихала позади серебристая песня – мое волшебство уходило в глубь земли, лодка засыпала.

Джерри щелкнул зажигалкой на ходу, протянул мне, но я отмахнулся. Куда бы я ни прилетал, это суеверие было повсюду – а я меньше всего хотел сейчас услышать, что волшебники не должны курить.

Горы уже поглотили солнце, и сумрак сгущался. Сигарета Джерри вспыхивала, как искра костра, и горьковатый дым доносился сквозь запах пустошей. Я уже готов был наплевать на чужие суеверия и закурить, но тут мы пришли.

Аник распахнула дверь и сняла газовый фонарь со стены. Пламя зашипело, разгораясь, метнулось за стеклом, и комната наполнилась тенями и светом.

– Знакомо выглядит, – сказал Джерри и затаился.

Двухъярусные кровати вдоль стен, пол, посыпанный стружкой, – обычная казарма, но почти заброшенная, нежилая.

– Поговорим там. – Аник кивнула на дверь в дальнем кон-

це комнаты и, не дожидаясь ответа, прошла вперед.

Я был уверен: там маленькая тесная комнатка, превращенная в штаб. Стол, заваленный картами, кресло и шкаф, набитый никому не нужными бумагами, – и конверт с королевскими печатями отправится туда же.

Но за дверью оказалась веранда – широкая и, наверное, светлая днем. Отблески огня отразились в высоких окнах. На полках громоздились горшки и банки, на столе стояли позабытые кружки. Аник кивком указала на скамьи. Мы сели, а она наполнила четыре стакана темным напитком. Я сразу узнал этот терпкий, но легкий вкус – можжевельное вино, такое же как в Атанге.

На самом деле не так сильно здесь все и отличалось.

Аник смотрела на меня выжидательно, и я сказал:

– Я Эли, королевский волшебник. Это Джерри, стрелок нашего отряда. – Джерри приветственно махнул рукой и наконец-то затушил окуроч в одной из пустых чашек. – А это Рилэн, он управляет нашей лодкой. – Аник все еще молчала, но смотрела внимательно, и я пояснил: – Мы можем перемещаться по воздуху, очень быстро. И у меня есть разные... разное волшебное оружие.

«У меня есть разные песни» – вот что я хотел сказать.

Аник покачала головой.

– Вы должны понимать... – Она говорила медленно, я почти видел, как она примеряет, отбрасывает и выбирает слова. – Никто не думал, что пришлют кого-то... связанного с

магией. В столице, наверное, проще, но тут... народ до сих пор считает, что людям магия чужда.

«Магией занимаются враги, люди этим не занимаются!» — я слышал это много раз. В Атанге не меньше, чем в других местах. И чем младше я был, чем слабее, тем чаще слышал. Нима слышит это до сих пор. Может быть, из-за этого она и не стремится покинуть Рошу.

— Как вовремя об этом зашел разговор, — сказал Джерри и залпом допил вино. — Можно еще вспомнить, что врагом может оказаться каждый, любой из нас.

Каждый, любой. Мы все знали это с детства: темный народ смешался с нами, многие сотни лет живет среди нас неузнанным, и в каждом доме, в каждой семье может таиться враг. Детей могут подменить в колыбели, и даже в королевском роду могут быть враги. Они сокрыты, живут как мы и ничем не выдают себя, и, только когда вспыхнет война, мы узнаем кто есть кто.

Услышав правду впервые, я испугался. Но это было давно. Страх мешает жить; я избавился от него, как, наверное, и любой из нас.

— Зачем сейчас об этом? — спросила Аник. Она смотрела на Джерри, и голос ее был таким же жестким, как и взгляд. — Пока вы в столице рассуждаете о том, что может случиться, враги уже нападают на нас открыто!

— Расскажи, — попросил я.

Аник вздохнула, на миг закрыла глаза и заговорила вновь:

– Нападения на приграничные деревни. Каждую ночь. Цель выбирают без явного плана. Это может быть деревня, на которую нападали вчера, или та, на которую не нападали никогда. Никаких грабежей и никаких требований. Незнакомое оружие, сильные взрывы и тяжелые ранения – почти никто из раненых не выжил. Нападавших не видели, только тени и огни в небе. Они прилетают всегда по ночам. Мы разбились на отряды и патрулируем, но нас слишком мало. – Она вновь замолкла на мгновение, потом качнула головой и договорила: – Последние две ночи нападений не было. Видели белые вспышки в небе, но никто не напал.

Мысли, запыленные долгой дорогой, снова стали ясными, рвались на волю, а в груди звенел и разгорался азарт. Сколько себя помню, я мечтал летать. А с тех пор как покинул Рошу, я мечтал сразиться с врагами открыто.

– Мы тоже можем летать, – усмехнулся я.

– Уже стемнело, – сказал Рилэн. – Вылетаем?

Я кивнул и поднялся из-за стола.

Даже отсюда я чувствовал, как лодка просыпается и рвется в небо.

– Почему ты так торопишься? – спросил Лаэнар. – Еще только стемнело.

Я не могла остановиться – шла быстро, почти бежала, и Лаэнар не отставал от меня ни на шаг. Его сердце все еще билось в такт с моим, в словах было мое дыхание, а наши мысли смешивались, сплетались друг с другом. И я торопилась, чтобы не потерять это чувство – отправиться в битву сейчас, пока Лаэнар был моим продолжением. Чтобы мы были как две руки, держащие меч.

Наставники часто говорили нашей команде: «Вы – самые яркие звезды Мельтиара, вы как части единого целого». И в детстве я думала, что мы и правда осколки одной души. Даже внешне все мы четверо были похожи – черноволосые и темноглазые – и родились в один год. Но Мельтиар сказал: «Нет, каждый из вас особенный, и у каждого своя душа». Я знала, что он прав, но все же порой чувствовала, как сейчас: мы с Лаэнаром неразделимы.

Не замедляя шага, я поймала его ладонь и крепко сжала.

– Я тороплюсь, потому что ты со мной.

– Я всегда с тобой, – ответил он.

Идти пришлось долго. Если бы можно было взлететь по отвесному колодцу, мы оказались бы в ангаре почти мгновенно. Но эти пути давно запечатаны, они откроются, когда

начнется битва. И мы спустились по лестнице, пролет за пролетом, и оказались на нижнем уровне, где никто не жил постоянно. В коридорах было тихо, лишь несколько младших звезд встретились нам – и сразу отступили в сторону, освобождая дорогу.

Стены, пронизанные решетками и иссеченные скобами лестниц, изгибались, смыкались над головой. Гул механизмов здесь звучал близко, а магия отступала и пряталась за запахом металла. Мы словно бы оказались внутри гигантской машины.

Я тысячу раз ходила тут и каждый раз мечтала о том времени, когда распечатают колодцы и все пути в городе станут свободными.

Коридор замыкали ворота – на их створках полосы и блики переплетались, показывали небо, движение созвездий в этот час. И, глядя на металлический рисунок, я знала, что Лаэнар прав: еще только стемнело.

– Арца!

– Лаэнар!

Мы назвали свои имена почти одновременно, и ворота разошлись. Но не полностью – так, чтобы могли пройти лишь двое.

Внутри ангара гуляли ветра. Из решеток вырывались потоки, текли и смешивались. Теплые кружились и уходили в высоту к далеким сводам, куда не дотягивался свет белых ламп. Холодные вихри льнули к полу, делали каждый шаг

быстрее и легче.

Я невольно подняла руку, и крылья распахнулись за спиной, сила потекла в них. Ботинки ошетинились хвостовыми перьями, и я едва не взлетела – каждая струя воздуха и каждый отблеск на стенах звали меня ввысь.

Здесь я впервые надела крылья, здесь я училась летать.

Машина ждала нас – черная капля среди множества механизмов и форм, песчинка в огромном ангаре. Но она притягивала взгляд глубокой темнотой и силой, неотличимой от силы Мельтиара, от силы каждого из нас. Как и я, машина была готова взлететь. Ее дрожь отдавалась в полу, а в черных боках не отражался свет.

Мы подошли, и борт раскрылся. Я запрыгнула внутрь, надела шлем, стекло с тихим щелчком опустилось, заслонило лицо. Мир изменился. И, как всегда, в первый миг я не смогла различить ничего, кроме красных контуров и мешанины теней и света, – но этот миг прошел, и зрение стало ясней, чем обычно.

Амира и Рэгиль уже сидели впереди, их руки скользили по панелям управления, огни вспыхивали и гасли от прикосновений. Лаэнар опустился рядом со мной, застегнул шлем.

– Готовы? – спросил Рэгиль.

– Да, – кивнул Лаэнар. – Летим!

Чернота стен, как и чернота шлема, стала прозрачной. Машины, ждущие своего часа, люди в ангаре, каменные своды, решетки и лестницы – все это красными контурами просту-

пило за сумрачной дымкой стекла. А ворота превратились в огромную шестеренку, очерченную огнем, – она поворачивалась, раскрывая стену, выпуская нас.

В такие мгновения я завидовала пилотам: только они могут по-настоящему ощутить, как машина отрывается от земли, становится снарядом, несущимся ввысь. Они чувствовали и направляли полет, а я ощущала только поток силы, видела, как на нас падает небо, размеченное сеткой координат, а внизу проносятся бордовые контуры земли.

– Куда? – спросил Рэгиль.

Амира подняла руку, и перед ней вспыхнули разноцветные точки. Несуществующее созвездие, что никогда не поднималось в небо и горело только от нашего огня. Это была карта вражеских поселений, и Амира наугад указала на одно из них.

– Мы туда летали в прошлый раз, – проговорил Рэгиль. – Тот человек был именно там. Может быть...

– Тем лучше! – прервал его Лаэнар. – Летим туда!

Красные контуры под нами смазались, стали неразличимо-быстрыми, земля проносилась как ураган. А затем машина развернулась, теряя скорость, и я увидела цель.

Все поселения возле гор были похожи, как будто в них жили одинаковые люди с одинаковыми мыслями. Низкие дома светились тускло, но у края селения теснились и двигались алые пятна; я знала, там загон криворогих баранов, украденных у гор и запертых в неволе.

Машина сделала еще один круг, и я увидела людей – их контуры горели ярче всего. Один замер посреди улицы, закричал что-то, глядя вверх. Машина уловила его голос, умножила многократно, но я не разобрала слов.

Мы невидимы, мы стремительны, мы почти бесшумны – но не можем скрыть ветер, он несется от нашей машины, как прилив.

Враги уже знают, чего ждать.

– Пора! – сказал Лаэнар.

Машина зависла. Борта распахнулись, справа и слева, открывая нам с Лаэнаром путь в небо. Крылья вновь призывно дрогнули, но я сдержалась, не дала им увлечь себя, не рванулась навстречу битве.

Оружие было готово, приклад привычно упирался в плечо. Я перевесилась наружу.

Ветер, рожденный нашей скоростью, стих, разбился о землю вдалеке. Меня встретили только обычные ночные потоки: холодные текли с гор, теплые поднимались от земли, и соленое эхо чужих ветров доносилось от моря. Воздушные течения переплетались, кружились, я чувствовала их сквозь одежду, перчатки и шлем – датчики усиливали это чувство в сотни раз. Все небо было моим.

Но целью была земля.

Лаэнар выстрелил первым. Отдача встряхнула машину, белый огонь полыхнул над нами, а внизу загорелось живое, красное пламя. Крыша дома вспыхнула. На улицу выбежали

люди, их контуры мерцали, крики наполняли воздух. Мгновение спустя нас настиг жар пламени – у меня не было времени уменьшить чувствительность датчиков, я целилась.

Впереди, там, где дома расступались и улица превращалась в дорогу, стояла вышка. Водонапорная башня или сторожевая – неважно. Мельтиар говорил, что я умею находить самую лучшую мишень. Она была сейчас передо мной, в прицеле.

Я выстрелила. Белый свет ослепил меня, отдача толкнула внутрь, и в тот же миг грохот затмил все звуки, чужая сила швырнула машину и кинула меня обратно, к земле.

Крылья забились, поймали восходящий поток, и, все еще ничего не различая, я взмыла вверх.

– Правый двигатель! – Голос Амиры в шлеме звучал ясно, но перед глазами было лишь мельтешение красных и черных полос. – Подбит!

– Что с приборами? – Я слышала, как мой голос срывается на крик. – Почему темно?

Не дожидаясь ответа, я откинула стекло шлема.

Внизу бушевал огонь. Его ярость и жар текли вверх, перемешивали ветра, несли меня прочь. Башня пылала, потоки огня растекались от нее по деревне. То, что хранилось в этой вышке, вспыхнуло, как масло.

Раскаленный восторг захлестнул меня. Я выбрала верную мишень, и, хотя нас атаквали, мы выполнили задание – напали, принесли огонь и страх, никто не остановил нас.

Я забила крыльями, вырвалась из горячего потока, нырнула к машине.

Порыв ветра швырнул гарь мне в лицо, и я закашлялась.

Машина была подо мной – она летела, не теряя высоты, но кренилась, и за ней тянулся дымный след.

– Где он? – закричал Лаэнар. – Амира, дай мне свет!

– Возвращайся! – позвал Рэгиль. – Утечка из второго двигателя, нужно возвращаться!

– Амира, дай мне свет!

Свет хлынул из дна и бортов машины – я едва успела нырнуть под луч, задела его крылом, и воздух взрезал выстрел. Лаэнар пронесся совсем рядом, и я ринулась следом.

– Арца! – крикнул Рэгиль. – Верни его!

Я сложила крылья, кинулась вниз, схватила Лаэнара на лету. На мгновение мне показалось, что мы не удержимся, рухнем вместе, но машина развернулась, поймала нас открытым бортом. Мы упали внутрь, и, прежде чем стены сомкнулись, я успела увидеть врага – неясную серую фигуру с огромными крыльями. Он коснулся земли и исчез.

– Я почти догнал его, – сказал Лаэнар.

Машина летела запрокинувшись, и мы все еще держались друг за друга, сидели, прижавшись к правому борту. Аварийные огни мигали, все стекла почернели. Я чувствовала, как где-то глубоко внутри, возле сердца машины, рождается и нарастает дрожь.

– Мы почти потеряли машину, – ответил Рэгиль.

Я хотела быть такой же спокойной, как он. Поэтому сказала:

– Но на этот раз мы выполнили задание.

Еще до того как показалось зарево пожара и встречный ветер принес дым, я знал: мы опоздали.

Волшебство нельзя скрыть. И сейчас оно расходилось волнами – лодка качалась на них. Я смотрел на небо, на ясную звездную россыпь и видел, как нас сносит невидимое течение: с каждым мигом мы все дальше отклонялись от заданного пути. Отзвук чужой магии влек лодку, и я не мешал ей.

Я пытался понять, различить песню, оставшуюся в воздухе. Почти не удерживая весло и глядя в небо, я слушал, но отзвук был неуловим. В нем чувствовалась сила – холодная, как волшебство в моем стальном оружии, – и стремительная легкость, зовущая лодку ввысь. Было что-то еще, но я не мог соединить звуки, не мог повторить песню и не понимал ее.

Но другую нить силы я чувствовал ясно – она была знакомой, сумеречно-серой, и не пела, только еле слышно шелестела. Я знал этот шорох.

Он никогда не проникал в Рощу, но часто струился по улицам Атанга, пробирался во дворец и в казармы. И без труда можно было отличить тех, от кого он исходил, – каждый слышал о них, все их знали.

Никто в Роще не хотел говорить со мной про эту шелестящую пепельную магию, и только учитель сказал однажды:

«Это не волшебство. Не называй это так».

– Мы опоздали, – сказал Джерри, глядя вперед, на багровое небо.

Я бросил весло, и лодка качнулась, потеряла путь, не зная, какой поток ей ловить. Я слышал, как скрипнули рычаги – Рилэн пытался удержать нас на плаву, – и поэтому крикнул: – Вниз!

Он крикнул что-то в ответ, но послушался. Мы рухнули, как камень в воду, магия и ветер кругами понеслись прочь. Звезды вращались над нами, мелькали черные горы и озаженный пожаром горизонт, и на миг все заслонила тень. Она метнулась в вышине огромной птицей и скрылась, но я успел вновь ощутить шелестящий звон – он был сейчас горячим, как зола на углях, и мешал дышать.

Я рванул весло. Лодка вздрогнула, подбросила нас и зависла у самой земли. И пока она медленно опускалась, я закричал:

– Атанг! Мы из Атанга!

Киль коснулся земли, и лодка, все еще полная полетом, медленно накренилась, повалилась набок. Джерри рванулся наружу, но я успел схватить его за плечо.

– Не стреляй, – сказал я. – Это всадник, это не враги.

– Ты так уверен, – пробормотал Джерри.

Только сейчас я понял, что сжимаю оружие – не заметил, как выхватил его. Не стоило встречать всадника с жезлом в руках, но холод стали придавал мне сил.

Джерри наклонился, нашарил что-то на дне, выругался и щелкнул зажигалкой. Огонь вспыхнул, погас до крохотной искры, а потом разгорелся вновь. Джерри подхватил лампу и выбрался из лодки.

Мы приземлились среди скал: дрожащий свет выхватывал острые грани, камни под ногами, одинокое дерево, его корни, крошащие землю.

– Могли разбиться, – сказал Рилэн.

Было тихо – лишь шорох ветра и треск огня за стеклом лампы. Но я знал, что всадник рядом, не было смысла прятаться или искать его в темноте. Я повернулся туда, где серый шелест слышался яснее, и повторил:

– Мы из Атанга. Нас прислал король.

Джерри поднял лампу, свет дрогнул, лег по-другому. Тени стали тоньше, распались, как порванная сеть, и навстречу нам шагнул человек.

Это был всадник, я не ошибся.

На его лице и одежде темнели пятна – то ли копоть, то ли грязь, – а огромные крылья топорщились, как нескладный плащ, деревянный каркас выпирал сквозь прорехи в ткани. Но шелест струился вокруг этих крыльев, обволакивал руки, держащие ружье. Невозможно ошибиться, это всадник.

Он был выше меня, но едва ли старше – больше я ничего не мог разобрать среди качающихся отблесков и теней.

– Королевская гвардия, – сказал он. Голос у него был такой же, как и лицо, – точно запятнанный гарью. – Вас при-

слали за мной?

– Если вот это устроил ты, – усмехнулся Джерри и указал на север.

Зарево там угасало – или его заслонили скалы.

– Нет! – горячо возразил всадник и шагнул вперед. – Я пытался остановить их!

Он все еще сжимал обеими руками ружье. Оно было похоже на игрушку, деревянное, стянутое полосами темного металла. Из такого оружия могли стрелять только всадники. В нем тек пепел, готовый в любой миг обратиться в пламя, – я слышал его голос.

«Не называй это волшебством», – сказал мне Зертилен. Но я не знал, как еще это назвать.

– Они прилетают каждую ночь, – продолжал всадник. – Издалека их лодка похожа на вашу. Но не вблизи, поэтому я не напал на вас.

– Кто они? – спросил я и тут же пожалел об этом.

Я должен был сначала спросить: «Кто ты?»

– Демоны, – ответил всадник.

Он подошел совсем близко, и Джерри посветил ему в лицо. Всадник зажмурился на миг, но тут же открыл глаза и продолжил:

– Во всех деревнях уверены – это ночные демоны. Им ничего не нужно, они хотят только разрушать. Я не знаю, откуда они прилетают, но сумел остановить их, дважды.

Его светлые глаза лихорадочно блестели, голос был неров-

ным и быстрым – как у того, кто слишком часто курит синий дым или почти дошел до истощения и знает, что может не успеть договорить.

– Во всех деревнях уверены? – тихо повторил Рилэн. Он стоял, прислонившись к лодке, и в его словах было эхо песни полета. – Ты всех здесь знаешь? А нам про тебя никто не сказал.

– Вот именно, – подхватил Джерри. – Кто ты такой?

Я хотел вмешаться, но не успел, всадник ответил почти мгновенно:

– Меня зовут Тилиниэн Эрил Амари.

– Как? – переспросил Джерри. – Не запомнить же, повтори.

Я засмеялся.

– Тин, – сказал всадник. – Можно звать так.

Мы теряли время. Еще можно было отыскать врагов, догнать их.

– Полетишь с нами, – сказал я. – Залезай в лодку.

Всадник отступил, шелестящая сила вокруг него стала жарче, но тише – я чувствовал: он готов снова исчезнуть, превратиться в тень.

– Мне нельзя появляться там, где бывают всадники, – сказал он. Его слова торопились, догоняли и кромсали друг друга. – Я нарушил устав, я изгнанник.

Я не знал их устава. Он был тайной, как и не-волшебство, дававшее всадникам силу.

Но в чем бы ни провинился этот человек, он дважды оставил врагов.

— На границе всадников нет, — сказал я. — Ты нигде их тут не встретишь. Полетели.

— Вот именно, — кивнул Джерри. — Тут и солдат нормальных почти нет. — Он махнул рукой и добавил: — Я Джерри. Это Рилэн. — Рилэн отсалютовал и запрыгнул в лодку, склонился к рычагам управления. — Это...

— Я узнал, — прервал его всадник. — Это Эли, гвардеец из Роши.

Я поморщился. Я королевский волшебник, а не гвардеец из Роши — но спорить об этом было глупо.

— Залезай в лодку, — повторил я, и на этот раз всадник послушался.

Я смотрела, как Амира ходит вокруг машины, касается ее, отходит и возвращается вновь. Рэгиль стоял рядом с нами, наблюдал. Когда мы приземлились, он прижал ладонь к борту – датчики у него на запястье мигнули красным и зеленым светом – и молча выбрался наружу. Теперь мы ждали, пока Амира закончит слушать машину.

Мои глаза болели от копоти, волосы пропитались дымом пожара, и мне хотелось скорее уйти из ангара. Отстегнуть крылья, смыть следы битвы, заснуть – видеть сны о полетах и битвах или просто скрыться во тьме до пробуждения.

Но я не могла уйти.

Пока машина мчалась обратно и цифры на стенах показывали срок жизни двигателя, моя мысль стала сияющей струной, метнулась к Мельтиару. В этой струне была пылающая деревня, враг и наша машина, подбитая, летящая назад. Ответ коснулся сознания, быстро и легко: Мельтиар понял меня, он ждал нас.

Наверное, все мы позвали его по пути домой.

Он знал, что случилось, но все равно мы пойдем к нему, чтобы рассказать о полете. Мы делали так каждый раз. Это было как ритуал.

Амира отошла от машины и покачала головой.

– С ней все в порядке. – Она всегда говорила о машине

как о человеке, как об одном из нас. Иногда я завидовала Амуре, но не сейчас. – Только оба двигателя надо менять... Завтра мы не сможем полететь.

– Это и так было ясно, – проговорил Рэгиль. Он взял Амира за руку и потянул к воротам. – Пойдем.

Амира кивнула. Она не снимала шлема в полете и не глотала дым – но глаза у нее были красные.

– Нет, – сказал Лаэнар.

Я обернулась к нему.

Наверное, сейчас мы с ним были особенно похожи – перепачканные в копоти, в обожженных доспехах, с оружием и крыльями. Он был моим отражением, но я не понимала, о чем он говорит.

– Я не пойду к Мельтиару, – сказал Лаэнар.

Мои мысли сейчас горели, вспарывали усталость, взлетали и дробились. Я слышала свой голос, срывающийся и горячий: «пойдем», «мы должны», «он ждет нас», – но слова звучали внутри, не могли вырваться наружу.

Нас разделял всего один шаг, и я метнулась вперед, схватила Лаэнара за плечи, словно мы все еще были в воздухе и могли упасть.

– Мы с Амирой отвечаем за машину, – сказал Рэгиль у меня за спиной. – Наша вина, что с ней что-то случилось.

– И мы сожгли деревню. – Я старалась говорить так же спокойно, как Рэгиль, но знала: не получается. – Мы выполнили задание.

– Не в этом дело! – Лаэнар вырвался из моих рук, остался только след ярости в ладонях. – Мы не справились с врагом! С первым настоящим врагом! Что мы скажем? Что мы до сих пор ни на что не способны? Я не пойду!

– И обязательно кричать об этом?

Я обернулась на незнакомый голос и тут же склонила голову, опустила руки.

Такая яркая звезда! Но раньше я его не видела ни в ангаре, ни в залах для тренировок. И сейчас успела заметить только, что он много старше нас – возрастом, а может быть, и силой. Воздух звенел от нее.

– Не бойтесь.

Я подняла глаза. Одежда незнакомца была черной, как у любого из предвестников Мельтиара, но за спиной струился серый плащ, похожий на огромные сложенные крылья.

Я знала, как выглядят враги, наблюдала за их жизнью через зеркала предсказателей. Я видела оружие врагов, знала, с кем мы будем сражаться.

У этого человека были крылья всадника.

Темный всадник. Я не знала, что мы так глубоко проникли в тайны врагов. Не догадывалась, что старшие звезды живут среди самых опасных противников.

– Чьи вы предвестники? – спросил он, и было ясно: он знает ответ.

– Мельтиара, – тут же ответил Лаэнар.

Темный всадник кивнул:

– Как и я.

– Правда? – Мы с Лаэнаром спросили это хором, и я слышала эхо своего удивления в его голосе. Мы снова стали отражениями друг друга.

– Все мы были предвестниками войны, прежде чем стали предвестниками Мельтиара, – ответил темный всадник и взглянул на Амиру. – О чем ты хочешь спросить, дитя?

Амира все еще держала Рэгиля за руку, но стояла неподвижно, словно в строю. Крылья приподнялись у нее за спиной, на них мерцали и дрожали блики света. И когда Амира заговорила, точно так же дрожал ее голос:

– Ведь ты... знаешь о всадниках все, правда?

Он смотрел на нас серьезно и спокойно, и под этим взглядом я чувствовала себя девочкой, впервые надевшей крылья. Наверное, он такой меня и видел. Мне шестнадцать лет, я никогда не была предвестником войны, всегда была предвестником Мельтиара.

– Правда, – сказал незнакомец. – Я вхожу в их высший совет.

Я знала, ему незачем обманывать, – и все же не могла поверить.

Самые опасные противники в грядущей войне – это всадники. Они умеют душить магию. Сотни лет назад они уничтожили наши деревни и забрали землю, засыпали ее пеплом и заставили забыть о волшебстве. И потом отдали ее людям, лишенным силы. А теперь мы проникли в самые сокровен-

ные тайны всадников, добрались до источника их могущества.

Мельтиар говорил: «Сражайтесь так, будто каждый бой – последний». Наверное, поэтому мы не знаем, как близка победа.

– Мы встретили сегодня всадника, – выпалил Лаэнар.

– Здесь? – Незнакомец нахмурился, повернулся к нему. – В горах?

– Да, – кивнул Лаэнар. – Мы летаем вдоль границы, наше задание – сеять страх в селениях врагов. Но на нас напал крылатый враг, он подбил нашу машину, поэтому...

– Он был один? – спросил темный всадник. Его голос стал отрывистым и жестким.

Я переглянулась с Лаэнаром. Я помнила выстрел, вспышку, удар и крылатую тень.

Я кивнула.

Лаэнар покачал головой.

– Вы не знаете, – сказал темный всадник. – Они живут на побережье и в столице, никогда не приезжали сюда, а вы даже не знаете, один он был или нет. Это вы сжигаете деревни?

– Это наше задание, – ответила я.

Я надеялась, что крылья не раскрываются у меня за спиной, а голос не дрожит, как у Амиры. Пусть он из старших звезд, пусть он знает врага лучше нас, но мы не просто предвестники, мы самые яркие звезды Мельтиара. Мы не склоняемся ни перед кем, кроме него.

– Ваше задание – пугать поселенцев? – Темный всадник взглянул на меня. Его глаза были светлыми, выцветшими от магии, слишком часто захлестывавшей душу. Он молчал несколько мгновений, а потом повторил мои мысли: – Вы звезды, предвещающие приход Мельтиара. И ваша задача – смести все преграды на его пути. Вам дали задание, и у вас есть препятствие, есть враг, почему вы не разужнали о нем все?

– Но Мельтиар не говорил... – тихо возразила Амира.

– Он и не должен был, – ответил темный всадник. – Узнайте о своем враге как можно больше, и тогда по-настоящему выполните задание. Идите.

Он развернулся. Я смотрела ему вслед, на серый плащ, стелящийся по черному полу.

Покров тайны – вот наша главная сила. Но сделать невидимой машину и внезапно появляться в небе – мало. Он прав. Мы никогда не покидали город, но каждый из нас может войти в дом врага и узнать все секреты. Каждый.

– Пойдем, Арца! – позвала Амира.

У ворот дежурила незнакомая девушка. Она касалась пульта на стене, огни вспыхивали и гасли под ее пальцами. Когда мы подошли, она обернулась и проговорила:

– Мельтиар сказал, чтобы вы пришли завтра, сейчас он там. – Она махнула вверх.

Там. Наверху, в чертогах тайны. Мы никогда не бывали на этом этаже. Считалось, что туда нельзя дойти по лестнице,

нельзя долететь и добраться туда могут только великие звезды. Такие, как Мельтиар.

Мы сделаем, как он сказал. Будем ждать до завтра.

У нас есть время.

– Если мы не можем пойти к Мельтиару, – растерянно проговорила Амира, – как же нам разузнать про этого всадника?

Мы тайна, мы страх, мы внезапный удар. Но чтобы действовать, нам не нужны машина и ночь.

– Я знаю как, – ответила я.

Я во сне.

Знаю об этом, ведь я не в обычном сне.

За спиной ветер, он сумеречный и легкий, он говорит со мной как человек. Я слушаю его, отвечаю ему, и мир меняется, течет, показывает мне то, что я должен увидеть. Я внутри видения.

Внутри нашей с Нимой тайны.

Нима близко, я слышу ее смех, различаю слова, но они ускользают и теряют смысл – ветер заслоняет ее от меня.

– Смотри, – говорит ветер. – Здесь причалили первые корабли.

Я высоко в небе, воздушные реки струятся сквозь меня, не касаясь. Подо мной земля – сумеречно-серая, как небо, как ветер, как я. Черные горы тенью вырастают из земли, движутся и разбиваются о берег. На море шторм, волны бушуют и пенятся, рвутся к скалам. Море сильнее гор, оно сокрушает их. Воздух теперь полон соли.

Я хочу петь, я хочу лететь туда.

Но это сон.

– Нет, – отвечаю я. – Первые корабли причалили южнее Атанга.

– Здесь. – Ветер держит меня за плечи, заставляет смотреть вниз. На серебристой земле вырастает селение, полуза-

брошенный пограничный пост. Я сплю в одном из этих домов и помню об этом. — Здесь жили люди звезд, здесь была первая битва.

— Нет, — повторяю я.

Ветер указывает вниз.

Подо мной вспыхивают звезды. Они сияют осколками хрусталия, разгораются ярче, земля становится темней. Ветер течет между ними, превращается в свет, застилает все ослепительной сетью.

Сеть звенит, поет звуком ветра и голосом металла.

Песня флейты, голос раненой птицы — зовет меня и тонет в грохоте шторма.

Я лежал, глотая воздух, пытаюсь вспомнить все, что я увидел во сне, повторить каждый миг и каждое слово. Меня выбросило в явь, швырнуло обратно в пыльный барак, в оковы тела.

Обычный сон рассеивается постепенно, но я вернулся не из обычного сна.

Я мысленно повторил сон трижды — слово за словом и мгновение за мгновением — и только тогда открыл глаза.

Потолок нависал надо мной слишком низко — я спал на двухъярусной кровати. Не удержавшись, я протянул руку, коснулся досок над головой. На ощупь они были шершавыми и теплыми. Пыль плясала в воздухе, колыхалась в утренних лучах.

Солнце уже высоко. Нима, наверное, вернулась домой, развешивает пучки трав над крыльцом. Или сидит с учителем возле ручья. Или...

Я собрался с силами и слез с кровати.

Сны-видения не дают отдохнуть ни душе, ни телу. Я всегда чувствую себя потом так, словно не спал, а ходил где-то много часов. В каком-то смысле это правда.

Я хотел рассказать свой сон, но Нима была в Атанге, за стенами Роши. На лодке туда лететь несколько часов, а скакать верхом – гораздо дольше. И мои слова не могут преодолеть этот путь – сколько мы с Нимой ни пытались, у меня не получалось говорить с ней мысленно. Я всегда без труда касался безмолвной речью учителя, и другие волшебники меня тоже слышали. А до названной сестры дотянуться не мог. В Роше считали, что на это волшебство у Нимы не хватает сил.

Нимы здесь нет, а больше я никому не могу рассказать свой сон.

Когда я наконец вышел из дома, солнце уже пересекло зенит.

– Я думал идти будить тебя, – сказал Джерри. Он сидел на ступеньках; дым сигареты таял в пыльном воздухе.

Я опустился рядом, нашарил в кармане сверток, наугад вытянул сигарету. Джерри щелкнул зажигалкой.

Мне попался желтый дым – с каждой затяжкой мысли становились все спокойнее, все яснее.

Чтобы понять сон, мне не обязательно рассказывать его кому-то.

— А где... — Я запнулся, вспоминая имя. — ...Тин?

Ночью, когда мы вернулись, ополченцы обступили лодку. Факелы трещали и бились на ветру, Аник расспрашивала, а всадник отвечал. Я ушел спать, а они все еще говорили.

— Поехал с ними. — Джерри стряхнул пепел. — Вроде как дневной патруль.

— Аник согласилась его взять?

«Вы вылетели в первый раз и сразу привезли неизвестно кого!» — эти слова я хорошо запомнил.

— Ну, — усмехнулся Джерри, — она ругалась, что у него дырявые крылья. Но ему даже дали коня.

Я взглянул на небо. Оно было почти чистым, лишь с востока тянулись облака, прозрачные и легкие, как обрывки тумана. Первые знаки осени — наверное, в столице они ощутимей, чем здесь.

При свете дня пограничный пост уже не выглядел заброшенным: я видел дорожки, протоптанные от барака к бараку, и лошадей, пасущихся вдалеке. Слышал неразличимые обрывки разговора где-то рядом, чувствовал запах армейской кухни, перемешанный с запахами пыльной земли и диких трав.

Не так уж сильно пограничный пост отличался от казармы в Атанге.

Я затанулся и спросил:

– Где у них кухня?

– Там.

Джерри указал налево. Тропки скрещивались, и одна из них вела к стоящему на отшибе дому. Из трубы поднимался полупрозрачный дым и таял в чистом небе. Глупо думать, что здесь все как в Атанге. Здесь топят деревом – газа едва хватает на светильники. И вода не течет по трубам от водонапорной башни, нет, здесь ее приходится таскать ведрами.

– Ты лучше поторопись, – продолжал Джерри, – а то сейчас этот дневной патруль вернется и сметет там все.

Я кивнул и затоптал сигарету. Вкус желтого дыма еще не угас, теплом отзывался в кончиках пальцев, окутывал мысли, вел их легко и плавно.

– А почему они днем патрулируют? – спросил я. – Говорили, что все нападения были по ночам?

Джерри засмеялся, махнул рукой в сторону гор.

– Я сам все проспал, – сказал он. – Но вроде наблюдатель заметил что-то в небе, и они решили проехать по деревням, проверить.

Я почти знал, что хотел рассказать мне сон. Если останусь здесь, если буду петь и слушать отзвуки давнего волшебства, сотни лет назад занесенного пылью, заросшего травой, – то пойму. Если первые корабли причалили неподалеку, значит, я найду здесь что-то.

Но какая бы магия ни таилась тут, невидимая и забытая, – она подождет. У нас сейчас есть более важные дела.

Я поднялся и сказал:

– Найди Рилэна, пусть готовит лодку.

– Слетаем посмотрим сверху? – спросил Джерри.

– Да, – кивнул я и отправился на кухню.

Рэгиль заставил меня пойти спать, но сон долго не шел ко мне, я лежала и смотрела в темноту. Напряжение и тревога дрожали в каждой мышце, а в памяти звенели наши голоса, снова и снова вспыхивали слова и фразы.

Мы вчетвером полночи просидели в комнате Лаэнара, говорили о том, что нужно делать: спорили и соглашались, решали, как лучше поступить. Было темно, нам светил лишь красный ночник над дверью, и все жесты казались особенно резкими, каждое слово вспарывало воздух. Мы словно снова стали детьми, играющими в скрытых. Но мы уже не дети. И я в самом деле отправляюсь к врагам, пусть и ненадолго.

Лаэнар пытался возразить мне, говорил: «Нет, пойду я». Но Лаэнар как обнаженный клинок, он не сможет скрыться. Из нас четверых лучше всех это удалось бы Амире, никто не усомнился бы в ней. Но Амира и Рэгиль должны чинить машину.

«Я пойду с тобой», – говорил Лаэнар. Мне хотелось, чтобы он был рядом. Мы могли бы назваться братом и сестрой, сказать, что потерялись на горных тропах, – но мы уже слишком взрослые для этой сказки. Я должна идти одна.

Спорили долго, но все согласились со мной. Даже сон наконец согласился со мной, отдалил голоса и мысли, погрузил в темноту.

Сновидения пролетели мимо, не коснувшись, и я проснулась до того, как прозвучал сигнал побудки.

Мы собрались в зале скрытых.

Я знала то, что знают все, – то, что повторяют каждому с раннего детства. Скрытые живут в городах врагов, дышат одним с ними воздухом, едят одну пищу, работают бок о бок с врагами – ничем не выдают себя, но выведывают тайны, одну за одной. И когда начнется война, откроются, ринутся в бой. Враги знают об этом, сотни лет знают об этом, но ничего не могут сделать, только боятся и подозревают каждого.

Враги не могут проверить, кто перед ними, – ведь, даже дотрагиваясь до нас, они чувствуют лишь тепло кожи. Не могут в прикосновении ощутить чувства другого человека, не могут понять, правда в его словах или ложь.

Я знала все это, как знала и язык врагов – его слова опавшими листьями кружились позади моих мыслей, и я надеялась, что не запнусь, не позабуду чужую речь. Но в зале скрытых я была впервые.

Мы звезды Мельтиара, мы воплощение атаки. Когда придет время, мы вспыхнем над столицей врагов, уничтожим все на своем пути. Нам незачем скрываться.

Незачем – но я могу, и у меня получится.

Лаэнар, Амира и Рэгиль ждали меня у входа.

– Я все нашла, – сказала Амира.

Она провела меня по лабиринту столов и стеллажей. Здесь

было много людей – они смеялись и разговаривали, переодеваясь. Лишь некоторые замолкали – я чувствовала их удивленные взгляды.

Одежда, которую нашла Амира, пахла дымом. Я разделась, оставила только крылья и осторожно натянула чужие вещи, одну за одной. Ботинки стиснули хвостовые перья – те задрожали, готовые вспороть грубую кожу, вырваться наружу, но я не позволила им. Крылья были мне послушны – сложились, стали плоскими, прижались к спине. Никто не разглядит их под широкой крестьянской рубашкой.

Я застегнула накидку у горла и попыталась расправить складки. Ткань была шершавой, цвета песка и пыли, и то там, то тут – следы огня.

– Еще не поздно... – Амира запнулась, не договорила.

Ее пальцы скользили в моих волосах, вплетали серебряный шнур.

– Все будет хорошо, вот увидишь, – пообещала я.

Амира обняла меня, стиснула так крепко, что я почувствовала, как вспыхивают и гаснут ее мысли. Ее крылья вздрагивали в такт ударам сердца, и позади каждого удара трепетал страх.

– Арца, я буду ждать, – прошептала Амира. – Каждую секунду буду слушать, я услышу, почувствую, мы успеем, если...

Ее страх проникал в меня, ледяными кристаллами падал на дно души. Поэтому я не позволила договорить – отстра-

нилась, сжала запястья Амиры и ответила:

– Я обещаю. – Искры страха уже растворились в крови, но не исчезли. Холод поднимался от сердца, оплетал руки. Нужно было все сказать, прежде чем он коснется ладоней и достигнет кончиков пальцев. Прежде чем Амира поймет, что мне страшно. – Я все узнаю и вернусь сегодня, когда сядет солнце.

– А если ты не успеешь все узнать сегодня? – тихо спросила Амира.

– Тогда я вернусь с тем, что узнаю, – сказала я и разжала руки.

Амира вздохнула. Мгновение она стояла неподвижно, должно быть, готовилась возразить, убедить меня – а потом качнула головой и вновь принялась сплетать серебряный шнур с моими волосами.

– Он поможет тебе, – ответила Амира на мой молчаливый вопрос. – Это помощь для тех, кому трудно скрыться. Тебе будут верить, в тебе не будут сомневаться.

Да, Амира легко могла бы стать скрытой, она даже знает об этом больше всех нас. Но она нужна тут.

Пока мы возвращались через зал, пока шли по коридорам и поднимались по спиральной лестнице – я привыкала к чужой одежде, старалась идти легко. Но каждый шаг отзывался болью: я сжимала пальцы ног, не давала перьям шелохнуться. Я словно бы заново училась ходить – лестница, по которой я пробегала столько раз, стала бесконечной, ступе-

ни уходили в немыслимую высь.

Наконец они кончились.

Мы стояли на дне колодца. Он был распечатан до нашего рождения или не запечатывался никогда – гладкие стены поднимались вертикально вверх. Над головой сиял крохотный круг неба, оно казалось ослепительно-белым отсюда.

Восторг вспыхнул в сердце, слился с моей силой и хлынул наружу, смывая страх. Крылья дрогнули, готовые раскрыться, разорвать чужую одежду, поднять меня ввысь, выбросить в дневное небо. Но я удержала их – я не могла сейчас лететь.

– Я проверил плоскодонку, – сказал Рэгиль. – Полетал на ней утром, поставил экран. Даже если ее заметят, то не успеют разглядеть, что это.

Плоскодонка, наша первая машина, мы летали на ней еще детьми. Я почти забыла про нее, но Рэгиль и Амира помнили – навещали ее в ангаре, будто чувствовали, что однажды она понадобится. Небесные ворота не открываются днем, но Рэгиль вылетел затемно, и теперь плоскодонка ждала нас наверху, возле колодца.

На ней я отправлюсь к врагам.

– Ты уверена? – спросил Рэгиль.

Я знала, о чем он.

– Уверена, – кивнула я. – Отвезите меня, но возвращаться за мной слишком опасно. Я вернусь сама.

Амира взглянула мне в глаза и сказала поспешно, почти глотая слова:

– Помни, Арца, ты обещала.

Она шагнула в сторону, распахнула крылья и в тот же миг понеслась вверх – все быстрее и быстрее, по невидимой спирали, черная искра в сияющем колодце.

Лаэнар и Рэгиль обняли меня с двух сторон и рванулись следом, в ждущее нас небо.

В вышине, среди ветров, внутри звука полета – легко забыть о земле и городах, о людях и цели. Стоило закрыть глаза, и сон вспыхивал сотнями осколков, чужая песня пробивала навывлет душу. Я пытался не думать об этом, хотел забыть, но голос флейты-видения звучал сейчас рядом со мной. Он был тише дыхания, но громче следов магии, над которыми мы пролетали. Незъяснимый звук – но я почти понимал, откуда он струится.

Я потянул весло на себя и велел:

– Вверх!

Лодка рванулась. Не открывая глаз, я чувствовал, как борется в ней вера в мой голос и покорность рычагам управления. Но она жила моей песней – и потому развернулась к небу, помчалась против встречных потоков.

Я слышал, как гремит что-то на дне, как ругается Джерри.

– Эли, что ты делаешь? – крикнул Рилэн. Его слова пролетели мимо меня обрывками ветра. – Мы не...

– Вверх! – повторил я, и мой крик почти стал песней, окатил лодку, вытолкнул ее из сплетенья ветров.

Пошатнувшись, она выровнялась, движение стихло. Казалось, мы уже не летели, а качались на волнах прибоя. Внизу воздушные реки подхватили следы волшебства, увлекли его прочь, к горам и морю.

Я открыл глаза.

– Ну ты и дурак, – сказал Джерри. Он все еще держался за борт.

Рилэн сжимал рычаг высоты и вопросительно смотрел на меня. Но я не стал ничего объяснять.

Звук флейты, пришедший из видения, был по-прежнему близко – но все так же недостижим, развеян в небесах. Даже если поднимусь над вершинами гор, я не коснусь его.

Я сжал весло обеими руками. Светлая высь, солнце, уже повернувшее к западу, черные скалы. Внизу, в неразличимой дали – земля. Ни селений не видно, ни дорог, все слилось в единый узор. Холод проникал в тело с каждым мигмом, с каждым вздохом. Еще немного, и кровь остынет, пальцы закоченеют.

Мы слишком высоко.

Я погнался за видением и забыл обо всем. Я знаю, так сходят с ума.

Почему Нима не ушла из Роши вместе со мной? Она всегда знала, о чем говорят мне сны.

Я повернул весло, и лодка скользнула вниз. Мы опускались медленно, круг за кругом. Стужа отступала, знакомые ветра возвращались, становилось легче дышать.

– Ты бы хоть предупредил, – пробормотал Джерри. – Помоему, у нас что-то вывалилось...

Под скамьей громыхали опрокинутые ящики, цилиндры с патронами перекачивались по дну лодки. Я мотнул головой

и объяснил:

– Мне показалось.

– Вот поэтому вам и не разрешают курить, – сообщил Джерри. – Вы и так все тронутые.

Я хотел ответить, но Джерри вдруг указал в сторону:

– Смотри!

Лодка разворачивалась, снижаясь, и я успел увидеть лишь черный росчерк на небе, слишком быстрый для птицы. Только что он был и тут же исчез – так невидимые чернила тают на бумаге, пока пишешь слово.

– Ты тоже видел? – спросил Джерри.

Я кивнул.

Звон флейты кружил рядом, и мне было страшно искать чужую магию. Поэтому я высвободил жезл – вытащил из перевязи, поднял над головой. Запах грозы коснулся меня, крохотные разряды кольнули кожу. Та же магия, что прошлой ночью, мое оружие запомнило ее.

– Летим туда, – сказал я.

Мы опустились уже очень низко, под нами петляла тропа, бежала среди черных скал, к сгоревшей деревне. Ветер донес вкус гари – но эхо грозы в моем жезле вспыхнуло с новой силой, затмило все ощущения и звуки.

Я перевесился через борт, взглянул вниз.

– Мы тут вчера подобрали этого всадника, – сказал Рилэн.

Сегодня здесь был кто-то другой. Крохотная фигурка жалась к земле, закрывала голову руками.

– Приземляйся! – приказал я Рилэну и лодке.

И пожалел, что сказал это вслух. Подступающее безумие еще не схлынуло, держало душу в небе, выше теплых ветров. Голос меня не послушался – пробил песню полета, как брошенный камень разбивает гладь воды.

Лодка ударилась о землю, подпрыгнула, опустилась снова, скользя по обрывкам песни. Я с трудом разжал ладони – не заметил, как бросил жезл и вцепился обеими руками в весло.

– Ты точно здоров? – спросил меня Рилэн.

Я отмахнулся и выбрался наружу.

Здесь мы выбрали Тина? Ночью это место выглядело иначе. Было лабиринтом темноты, черных скал и отблесков пожара, а стало тропой среди валунов на склоне. Земля и камни неподалеку почернели, словно их опалил огненный смерч, – но вчера или сегодня?

На тропе не было никого, кроме нас.

Джерри остановился у меня за спиной и спросил еле слышно:

– Кого ты видел?

– Не знаю, – ответил я.

Я отбросил страх.

Ни за что не испугаюсь магии, никогда. Безумие не коснется меня, это сказки для слабых духом. Любое волшебство можно почувствовать – я должен это сделать, прежде чем заговорю или шагну вперед.

Песни, мои и чужие, зазвучали вокруг, в воздухе, в кам-

нях, в глубине земли.

Лодка дрожала от полета, плакала о моем видении, хотела вернуться туда, где звенит флейта. Голос этой тоски στε-нал, но не смог заслонить дымный след – сумеречный шест, голос не-волшебства Тина. А выше, над головой, звучала и сплеталась петлями незнакомая песня.

Других отпечатков здесь не было, ни одного.

Я обернулся к Джерри и сказал:

– Я видел человека. Надо поискать.

– Если б на меня сверху что-то падало, – откликнулся Джерри, – я бы тоже убежал!

Я оглядел тропу. Здесь было не так много укрытий: обломки скал, гигантские камни, обтесанные водой и ветром.

Джерри кивнул в сторону одного из валунов, и я увидел тень и край одежды, почти сливающийся с землей. Я осторожно подошел.

Тот, кто прятался среди камней, был совсем крохотным – сжался за валуном, накрылся обожженной накидкой, едва приметно вздрагивал, как загнанный в ловушку зверь.

– Эй. – Джерри опустился на землю, перевесился через камень. – Ты кто?

Из-под накидки на миг показалась рука – тонкое запястье, быстрые пальцы – и тут же исчезла, стиснула края грубой ткани. Неразборчивый всхлип – и снова тишина.

– Ты из деревни? – спросил Рилэн. – Не бойся.

– Пожалуйста... – Прерывающийся, едва слышный шест

пот. – Не надо...

– Не бойся, – повторил я за Рилэном и опустил на корточки. – Что случилось?

Накидка соскользнула – из-под нее показалась девушка, почти еще ребенок. Она выпрямилась, цепляясь за края валуна, взглянула на меня. Глаза у нее были темными и расширенными, как от страха или внезапной боли.

– Вы вернулись... чтобы убить меня? – Ее голос срывался, то звенел, то падал до шепота.

– Нет. – Я старался говорить как можно спокойней – но как убедить испуганного ребенка? – Мы сражаемся с врагами. Не бойся.

– Вы прилетели по небу. – Она опустила голову, обхватила себя руками. Волосы у нее были еще темнее глаз, серебряная ленточка среди них мерцала, как ручей в горах. – Разве не вы... сожгли все вчера? Вернулись сегодня... Я спряталась, но вы вернулись еще раз...

Она всхлипнула, прижалась к земле.

Я закрыл глаза, попытался собрать слова.

Легко думать о войне, пока живешь в Атанге. Даже пролетая над сожженной деревней, я ничего не понимал. Не мог себе представить, каково это – лишиться крова, в ужасе прятаться среди скал и ждать смерти.

– Мы не враги, – сказал я. – Мы сражаемся с ними. Мы тебе поможем.

– Правда? – Она снова взглянула на меня.

– Конечно! – подтвердил Джерри. – Где твои родители?

Она зажмурилась, мотнула головой. Я боялся: сейчас она расплачется, и никто из нас не найдет нужных слов, не сумеет ее успокоить. Но она сказала:

– Никого нет.

Рилэн тронул меня за плечо и тихо спросил:

– Куда же нам ее отвезти? Аник говорила, что все, кто выжил, разъехались по соседним деревням и в крепость...

– Отвезем на наш пост? – предложил Джерри. – Раз Аник тут всех знает, должна найти ее родных.

Я осторожно взял девушку за руки и помог подняться. Ее ладони были ледяными. Сколько времени она провела здесь, на холодной земле? Все утро, весь день? Мы прилетели вчера слишком поздно, и всадник тоже. Никто не пострадал бы, если бы мы успели, если бы остановили их.

– Все будет хорошо, – сказал я. – Мы тебе поможем.

Я усадил ее рядом с собой на корму. Она уже не дрожала, сидела неподвижно, вцепившись в край скамейки.

– Как тебя зовут? – спросил я.

Она подняла глаза и еле слышно ответила:

– Арца.

Амира была права.

Они верили мне, они не сомневались.

Пока мы летели в их машине – открытой и хрупкой, движимой только магией, – я молчала, старалась запомнить все.

Сила, наполнявшая машину, была незнакомой, неслась неуклонно – горькая на вкус, как штормовой ветер. Эта сила принадлежала магу, сидевшему рядом со мной. Его звали Эли, и это имя казалось таким же сумеречно-серым, как цвет его волос и глаз. Пока Эли вел меня к машине, пока поддерживал и помогал забраться внутрь, я чувствовала его тревогу и знала: он поверил мне и хочет помочь. Но как только он отпустил мою руку, его чувства скрылись, остались только слова.

Враги редко дотрагиваются друг до друга – ведь они не умеют через прикосновения читать душу. Всегда разговаривают так, словно между ними стоят стены. Но даже сквозь стены можно многое узнать.

Маг был двигателем машины. Я не могла понять, сумеет ли эта пропитанная силой скорлупка взлететь без него – магия текла между ними кругами, ясная и стремительная, как ветер. Но откуда у врагов магия? Они ведь ненавидят ее, мечтают уничтожить.

У этой машины был один пилот и один нападающий. Пи-

лот, едва сев на свое место впереди, слился с пультом, передвигал тяжелые рычаги, смотрел в небо и, казалось, позабыл об остальных. Встречный ветер трепал его светлые волосы.

Как можно летать в открытой машине без шлема?

Нападающий был очень смуглым – даже среди врагов такие встречаются редко. Он сидел слева и то и дело поглядывал на меня. Они с магом перебрасывались словами, но я почти не понимала смысла, так не связаны между собой были их фразы. Иногда нападающий говорил мне что-то утешительное, и я кивала или молчала в ответ.

Я много раз видела в чашах предсказателей войска врагов и теперь поняла без труда: эти трое из столицы захватчиков. Но никто из них не был всадником.

Но даже если я не найду всадника, я смогу узнать что-то о нем. Я думала об этом и готовилась, вспоминала и повторяла про себя слова чужого языка, пока мы летели мимо нашей вчерашней цели, потом над склоном и на восток – к предгорьям. Меня увозили все дальше. Смогу ли вернуться с заходом солнца? Крылья трепетом отзывались на эту мысль, но я крепко держала их, не давала распахнуться.

Я боролась со страхом, не позволяла ему вновь оплести сердце – и не заметила, как мы снизились, подлетели к селению врагов. Но едва взглянула на столпившихся внизу людей и сразу поняла: меня привезли прямо к всаднику.

Враги обступили машину; их было так много, они были так близко, что вряд ли я смогла бы уничтожить их, даже

если бы держала оружие в руках. Я узнала одежду солдат, которых мы столько раз видели с высоты, на горных дорогах. Всадник был одет так же, но я ни с кем бы его не перепутала – его выдавали серые складки крыльев за спиной.

Я знала, что нужно делать.

Враги считают самой прочной связью узы крови. Для них потерять кого-то из семьи – все равно что потерять учителя или напарника для нас. Враги пожалеют меня и ни в чем не усомнятся.

Ведь я единственная уцелевшая, мой дом уничтожен, родных нет, и наконец-то я вижу тех, кто точно мне поможет.

Я приподнялась, держась за борт машины, обвела солдат взглядом, глубоко вздохнула.

– Вот видишь, все хорошо, – сказал мне нападающий. – Теперь ты в безопасности.

Я кивнула, глотнула воздух, словно собираясь заговорить, но только тихо всхлипнула.

Главной здесь была женщина. Все говорило о том, что она командир: ее короткие фразы, сдержанные жесты и темный взгляд. Маг уже стоял рядом с ней, объяснял что-то – я разбирала лишь отдельные слова. Я смотрела на них, хотя хотела смотреть на всадника.

Магия машины остывала, уходила все глубже в землю, и я начала различать другую силу. Она была похожа на густой липкий туман, шуршала, стелилась по земле, текла от всадника. Теперь, даже не глядя, я знала, где он.

В горле запершило, а мысли помутились, будто я и впрямь наглоталась дыма. Да, это та самая сила, что изувечила когда-то наш мир и задушила, почти уничтожила наш народ. Но я выдержу, не подам вида, сумею разговорить всадника и все о нем узнаю.

Девушка-командир резко развернулась, подошла к лодке и наклонилась ко мне.

– Мы найдем твоих родных, – пообещала она. – Есть у тебя родственники в соседних деревнях?

Я взглянула ей в глаза и сказала тихо, почти шепотом:

– Я одна.

– Видишь, она измученная совсем, – проговорил нападающий и помог мне выбраться наружу. Его беспокойство коснулось меня, как теплая волна. – Не соображает ничего.

Девушка кивнула и сказала мне:

– Пойдем.

Она повела меня прочь – с каждым шагом дымная сила всадника таяла, становилась неразличимой. Я обернулась на ходу. Нападающий улыбнулся мне, словно пытался подбодрить. Маг поймал мой взгляд и улыбнулся тоже.

Они верили мне, они ни в чем не сомневались.

Девушка отвела меня в дом, где почти все оказалось деревянным: стены, скамейки, пол. В бочке была теплая вода. Стало ясно, зачем я здесь – должна умыться и переодеться, моя одежда в копоты и грязи.

Как мне скрыть крылья?

Я смогу убежать. Ударю ее, прежде чем она поймет, кто я, незаметно выскользну наружу, как тень проберусь между домами и убегу. Ничего не узнаю, но и враги ничего не узнают.

Мне не пришлось этого делать, потому что девушка сказала:

– Там в шкафу моя одежда, можешь взять. – И ушла.

Комната, куда меня привели позже, наполовину состояла из окон. Глядя в них, я видела осколок неба, дома неподалеку и протоптанные дорожки. Сквозь мутные стекла все это казалось безжизненным и серым. На пыльной земле распластались длинные тени – скоро солнце коснется гор. Даже если отправлюсь в путь немедленно, не успею к закату.

Но я должна успеть.

И не могу вернуться, ничего не узнав.

Я съела то, что передо мной поставили, – ломти хлеба, намазанные чем-то густым и сладким. Каждый кусок давался с трудом – напряжение все громче звенело внутри, я не могла есть. Но я голодная замерзшая девушка, спасенная из сожженной деревни. Я должна.

Пить чай было проще. Знакомый терпкий вкус напоминал о городе, будил решимость. На горячей кружке были нарисованы то ли мачты кораблей, то ли городские шпили – я рассматривала их, чтобы слишком часто не встречаться взглядом с врагами.

Девушка-командир уже ушла, и за столом со мной оста-

лись трое. Маг и нападающий курили, стряхивали пепел в потрескавшуюся плошку. От сигареты Эли поднимался синеватый дым – я старалась не вдыхать его, такой дым уводит в сны. Дым, обвивающий нападающего, был тускло-желтым, странным.

– Арца, ты их совсем не разглядела? – спросил Эли. Окутанный дымом, он казался сейчас почти бесцветным, словно сумеречная тень в глубине зеркала прорицателей. Он был совсем не похож на свою магию.

Я покачала головой.

– Мне казалось, я видела... – Теперь я не опускала глаз, смотрела на него. Он должен мне верить. – Но потом прилетели вы – я думала, они вернулись... Такие же, так же летят...

Маг кивнул и раздавил окурочек в плошке.

– Мы их уничтожим, – сказал он. – Обещаю.

Он поднялся из-за стола, в дверях обернулся, махнул нападающему. Тот развел руками и вышел следом.

Мы остались вдвоем с всадником.

Я протянула руку и коснулась крыла. На ощупь оно было дерево и ткань, но окутывающая его сила жгла ладонь, стремилась проникнуть под кожу, скрывала чувства врага.

– Ты правда всадник? – спросила я.

– Да, – отозвался он и вздохнул. – Староста вашей деревни обо мне знал, но я просил не рассказывать никому... Мне очень жаль, Арца. – Он сжал мою руку, горячо и внезапно.

Я едва сдержалась, чтобы не вырваться, не кинуться прочь. Но он продолжал: – Эли прав, мы сумеем их уничтожить. Сумеем хотя бы отомстить. Я подбил их машину и смогу это сделать снова.

– Почему... – Я на миг опустила глаза, но не остановилась. – Почему здесь нет других всадников? Вы вместе легко могли бы...

Он жестом остановил меня.

– Я изгнанник. Должен жить вдали от столицы, вдали от остальных. Но выбрал такое место, где все равно смогу помочь людям. – Он снова вздохнул и отпустил мою руку. – Я подвел вас, но я сделаю все, что в моих силах, клянусь.

– Спасибо, – прошептала я.

Тени за окном уже затопили всю землю, небо окрасилось закатом. Сколько пройдет времени, прежде чем Мельтиар позовет меня? Пора улетать, уже слишком поздно.

Я встала и сказала:

– Я сейчас вернусь.

Всадник кивнул, не поднимая взгляда, и я выскользнула за дверь.

Я вышел из дома и остановился, глядя на небо.

Они начали прилетать и днем.

Это все меняло. Я должен был решить, что делать. Вчера у меня почти не осталось сомнений: мы будем патрулировать по ночам, рано или поздно пойдем, откуда появляются враги, найдем их укрытие и уничтожим, а всадник и ополчение нам помогут. Тин покачал головой, когда я рассказал об этом. «У них нет никакого укрытия, – сказал он. – Они все живут среди нас».

Если они все живут среди нас, откуда же они прилетают?

Не только ночью, но и днем. Пока мы будем выслеживать их, сколько людей погибнет, сколько останется без родных и крова, как Арца? Я не знал, что делать. Видение снова поднималось из глубины души, будило тоску.

Я сам не заметил, как закурил. Мне опять попался синий дым – с каждой затяжкой тело казалось все легче, а земля – прозрачней, и что-то мерцало в ней, в глубине.

Я знал: там сокрыто мое видение.

Джерри прислонился к стене рядом со мной. Он смотрел вдаль, стоял неподвижно, лишь изредка стряхивал пепел. Его дым теперь тоже был синим.

– Что думаешь? – спросил я.

Джерри знал, о чем я.

– Надо лететь в Форт, – сказал он. – В конце концов, король нас послал туда. Аник всего лишь командир отряда, надо поговорить с комендантом.

Я кивнул. Возможно, там нам дадут план действий, готовое задание. Если налеты продолжатся и днем и ночью, все жители укроются в крепости – мы должны будем оборонять ее. Это разумней, чем летать по ночам и искать врагов.

Я не хотел в Форт, не хотел готовых заданий.

Мое видение горело все ярче, до краев заполняло память, я слышал голос из сна, слышал флейту и грохот шторма. Мои мысли пулями проносились сквозь эти звуки.

Что бы ни говорила Аник, но мы уже сделали немало. Вчера нашли того, кто две ночи подряд останавливал врагов, а сегодня сами спугнули врагов, спасли Арцу.

Я хотел вернуться в дом, хотел снова поговорить с ней. Она выглядела такой хрупкой, такой юной. Она сказала: «Мне шестнадцать», но я не дал бы ей больше четырнадцати. Так странно, ведь в деревнях обычно все выглядят старше своих лет. Я никогда не видел такой девочки – если одеть ее в светлый легкий шелк, привести во дворец, она не померкнет на фоне живущих там красавиц. Даже поняв, что мы не враги, она осталась такой же тихой и робкой, лишь изредка поднимала взгляд, и глаза у нее были огромными и черными.

Я не хотел лететь в Форт.

Я хотел вернуться на веранду, обнять Арцу, сказать ей, что все будет хорошо, ей больше ничто не угрожает, она

больше не одна.

– Эли!

Джерри тряс меня за плечо. Я открыл глаза. В руке у меня не было сигареты, а небо уже потемнело.

– Я тебе говорил, если подряд куришь, чередуй дым! – Голос у Джерри был злым, поэтому я поспешно протер глаза и огляделся. – Синий с желтым или с серым! Синий нельзя подряд, ну сколько раз говорить-то?

– Я их беру наугад, – объяснил я и, оторвавшись от стены, шагнул вперед. Мир не закачался, не опрокинулся на меня, лишь видения звенели и пели, но про это Джерри лучше было не знать.

– Нет, ну какой кретин, – пробормотал Джерри и потянул меня за рукав. – Пойдем. Я искал Рилэна, но Аник меня остановила, она хочет тебе что-то показать, идем.

С каждым глотком прохладного вечернего воздуха, с каждым шагом синий дым отступал, отпускал мысли. Но тоскливая бесконечная нота, звучащая в глубинах земли, в небесной высоте или в сердце, не исчезала.

Сон не уходил из памяти, он был настоящим. Я должен понять его, прежде чем решу, что делать.

Аник стояла на крыльце дальнего дома. Когда мы подошли, она подняла фонарь, свет качнулся, тени потекли, меняясь, но звон не исчез.

Аник распахнула дверь и обернулась к нам:

– Я виделась сегодня с отцом. Он считает, что вам нужно

на это взглянуть.

– С отцом? – повторил Джерри.

– С комендантом крепости, Джатом. – Аник подкрутила колесико фонаря, и огонь за стеклом вспыхнул ярче. – Он мой отец.

– А, вот почему ты в армии! – радостно сказал Джерри.

Я толкнул его в плечо. Джерри засмеялся и развел руками. Аник молча кивнула вглубь дома, и мы пошли за ней.

Это было старое, полузаброшенное жилище, не похожее на казарму. Здесь в беспорядке стояли обычные деревенские вещи, следы мирной жизни – и огромные короба. Свет выхватывал армейские печати на боках и крышках, следы выцветших красных и синих чернил. Аник поставила фонарь на стол и остановилась возле одного из ящиков.

Я встретился с ней взглядом и понял, что она сейчас скажет.

Волшебство нельзя скрыть. Оно звенит и поет, оно плачет и ранит. Если не питать его, если оставить, оно уходит в глубину земли, в толщу скал, растворяется в песке – но никогда не исчезает.

«Здесь причалили первые корабли, – сказал мне сон. – Здесь была первая битва».

Песня звучала чуть слышно – неразличимое, угасшее волшебство, отблеск звезд на волнах.

– Там их вещи, – сказала Аник и наклонилась над ящиком.

Ключ щелкнул в замке. Джерри откинул крышку, загля-

нул внутрь и спросил:

– Чьи вещи?

Я жестом показал ему отойти и опустил руки в неслышную песню. Перекладывая содержимое ящика на стол, я чувствовал, как позабытая магия искрами вспыхивает на моей коже, на миг становится громче и утихает вновь. Каждый предмет был завернут в пергамент, и на нем были другие, шелестящие следы – но лишь следы, ни звука, ни искры.

– Тут раньше жили враги, – объяснила Аник у меня за спиной. – Где-то здесь было их поселение. Говорят, вещи врагов опасно уничтожать, никто не знает, какая магия с ними связана. Все, что в этих ящиках, хранится с войны.

– Что, шестьсот лет хранится? – спросил Джерри.

– Да, – сказала Аник.

Я принялся разворачивать пергамент. Он отходил неохотно, словно не доверял мне, но все же раскрылся. Внутри была флейта, серебристая, тонкая, пронизанная едва приметной нитью волшебства. Мысли разлетелись, словно меня вновь окутал синий дым. Я молча смотрел, как отблески огня блуждают по телу флейты.

– А что это? – Джерри стоял рядом, разворачивал другой сверток. – Похоже на книгу...

Я осторожно опустил флейту на стол и помог Джерри снять пергамент. Под ним оказался свиток, но не книга, лишь один большой лист.

Аник подняла фонарь, и мы расстелили этот лист на сто-

ле. Темное полотно и белые точки, сплетающиеся в узоры, рисующие фигуры.

– Звездное небо, – сказал я.

Все знают, что темный народ поклонялся звездам, даже все имена врагов – имена звезд.

Я провел руками по звездной карте, пытаюсь распознать и понять таящееся в ней волшебство. Аник поднесла фонарь поближе, и я различил созвездия: подбитую птицу, лодку и серп. Возле каждой звезды была надпись. Я знал эти буквы – в Роще каждый волшебник учит язык врагов, чтобы у чужих слов не было над нами власти. Если наши знания верны, я смогу прочесть эти надписи.

Буквы возле ярких звезд были крупнее, и я коснулся небесного серпа, яркой звезды в его рукояти. Ее имя было из четырех букв, и я прочел.

Арца.

Я стояла перед его дверью.

Руки дрожали, спина и плечи превратились в горячее сплетение боли, и крылья не закрывались, трепетали от каждого вдоха.

Там, снаружи, закат давно погас, венец победы уже поднялся в черном небе и повернул в сторону запада. Я нарушила обещание, не успела к заходу солнца. Но я узнала все, что смогла, добралась в город сама, враги не заметили, как я ускользнула.

Из поселка я вышла без труда, охраны не было, никто не увидел, как я пробиралась мимо домов. Но взлетать там было опасно – и я долго бежала по равнине, глотала пыль и вслушивалась, не нарастает ли позади чужая сила, не летят ли за мной враги. Но все было тихо, их машина давно заснула и остыла. Вскоре и дома скрылись вдаль, стали неразличимы среди скал и закатных теней. Тогда я распахнула крылья. Они взрезали одежду, освобождая себе путь, и я взлетела.

Я не успела заметить, когда солнце исчезло за горами. Алые отблески погасли, и без машины, без шлема темнота была почти непроницаемой: сплетение мрака, чернота гор, уходящая в черноту неба, звезды, что сияли все ярче, указывали мне путь. Других ориентиров не было, а вся моя сила утекала в крылья, я неслась по воздушным рекам, рвалась

вперед – и больше ни на что не хватало магии, я не могла бросить путеводную нить до дома.

Мысль Мельтиара обрушилась на меня, ослепительная и близкая, и я потеряла поток, едва не упала вниз.

Арца! Где ты?

Слова обжигали меня, словно он был рядом. Я забила крыльями, ответила: я еще далеко, я возвращаюсь, я лечу, я буду скоро.

Опустись на землю, не двигайся, я сейчас заберу тебя.

Нет, нельзя, я ничего не вижу, здесь могут быть враги, я долечу. Моя мысль дробилась, как капли света. Мельтиар ответил без слов, оставил струну между нами. Сияние его силы направляло меня, вело домой – теперь я знала путь, мне не нужно было смотреть на звезды.

И я добралась, я в городе. Осталось только прикоснуться к двери, назвать свое имя и войти к Мельтиару.

Я не успела. Темная панель отошла в сторону, Мельтиар обнял меня и увлек в комнату.

Он прижал меня к себе, я ничего не видела. И все чувства схлынули – я ощущала только его силу, она притупляла боль. Я уже могла дышать глубже, пол больше не уходил из-под ног. Словно я всего лишь тренировалась весь день, а не летела одна в темноте. Руки Мельтиара скользнули по моей спине, между лопаток – и крылья подчинились, сложились, перестали биться в такт сердцу.

Мельтиар отпустил меня.

Комната сегодня была темной. Свет лился из полукруглых ламп на стенах, оставлял острова мрака на полу. На грани света и тени стояли кресла и мерцающий цветными росчерками стол. А посреди комнаты, там, где соединялись реки света, ждали Лаэнар, Рэгиль и Амира.

Они смотрели на меня. Амира кусала губы, словно пыталась удержать слова, а у Лаэнара на лице была кровь.

Мельтиар усадил меня в кресло, сам опустился на подлокотник. Я забралась с ногами на сиденье, мне хотелось стать меньше. Мельтиар смотрел на меня. Я знала, что должна заговорить.

Волосы затеняли его лицо наполовину, сливались с темнотой. Он облокотился о спинку кресла, и рука попала в поток света. На костяшках пальцев была кровь.

Он наказывал Лаэнара за то, что мы сделали.

– Лаэнар не виноват, – сказала я. – Это я решила.

– Вы напарники, – объяснил Мельтиар. – Вы отвечаете друг за друга. – Он наклонился ближе, взял меня за плечи – так осторожно, что я едва почувствовала прикосновение. – Вам нечем заняться, пока машина не летает и меня нет рядом?

Он был так близко, я слышала его дыхание, отблески света таяли в темноте его глаз. Я смотрела на него, надеялась, что он поймет меня без слов. Я стала скрытой ради него. Я сделаю ради него все что угодно.

– Вас не учили жить среди врагов, – продолжал Мельти-

ар. – Вы рождены для открытой битвы. Война уже скоро. Почему вы не готовитесь к этому дню?

Он крепче сжал мои плечи, и боль всколыхнулась волной, вспыхнула и угасла.

Я зажмурилась на мгновение. Он разочарован, он в тревоге – эти чувства сквозили в прикосновениях и словах. Я скажу: «Прости», – наверное, он ударит меня и прогонит, а завтра все будет как прежде.

Я открыла глаза и сказала:

– Я узнала про всадника.

Мельтиар разжал руки и отстранился, улыбаясь. Я не знала, что он сделает. Страх, который я весь день сдерживала в самой глубине сердца, вырвался – стужей хлынул в кровь, заморозил дыхание.

– Хорошо, – проговорил Мельтиар. – Расскажи.

– Его зовут Тилиниэн Эрил Амари, – ответила я. – И он изгнанник.

Я рассказывала все, что узнала, и все, что со мной было, весь долгий день, все имена и все слова врагов – все, что могла вспомнить. Мельтиар больше не улыбался, слушал внимательно. Я чувствовала, что Лаэнар, Рэгиль и Амира смотрят на меня. Мне хотелось подойти к ним, хотя бы обернуться – но я не могла отвести взгляда.

Когда я замолчала, Мельтиар повторил:

– Хорошо. – И снова привлек меня к себе. Рубашка, разрезанная крыльями, под его руками разошлась, лоскутами

упала на пол. – Два дня будете в городе, никаких полетов.

– Но, Мельтиар... – Это был голос Лаэнара, такой же звонкий и уверенный, как всегда.

Мельтиар повернулся. Я ничего не видела, мир был скрыт завесой его волос.

– Еще одно «но, Мельтиар», – сказал он, – и будешь отскребать крылья от пола.

Лаэнар замолчал.

– Я смогу лететь завтра, – пообещала я. – Правда.

– Нет, – отозвался Мельтиар. – Пусть Амира займется машиной.

Амира ответила что-то, радостно и быстро, но я не разобрала слов – Мельтиар снова был слишком близко, его дыхание следами оставалось на коже, и страх изменился, оплетал меня горячей, обжигающей сетью. Ладони Мельтиара скользнули по моим крыльям, и крепления разошлись, крылья упали вслед за одеждой.

Мельтиар повернулся, не отпуская меня, и сказал:

– Пошли вон.

Я едва расслышала быстрые шаги, звук закрывающейся двери.

Я уже не могла говорить. Но Мельтиар прошептал, словно отвечая:

– Останешься со мной. Тебе станет лучше.

Мой сон был тонким, как паутина, рвался с каждым вздохом, видения и голоса расползались, словно дым. Я очнулся рано утром, до рассвета, и не мог ни заснуть, ни вспомнить сны. Джерри и Рилэн еще спали, не шелохнулись, когда я позвал их.

Я ушел на веранду.

Не зажигая огня, сидел за столом, смотрел на оконное стекло, в котором дробились отражения и тени. Хотелось курить, но я не знал, какую сигарету вытащу наугад в темноте, какой дым мне попадется. Я не хотел сегодня ни в чем полагаться на волю случая, даже в мелочах.

Нужно было решить, что делать дальше.

Есть легенды, есть история и есть вещи, известные каждому. Все они смешались сейчас, рассыпались, как листы расплетенной книги, и я не знал, на что опереться.

Вещи врагов, пропитанные магией и песнями, хранились здесь, на границе, ждали меня сотни лет – как такое возможно?

Враги живут среди нас, носят наши имена и не отличаются ничем – так зачем же одной из них называться древним именем?

Все знают: однажды враги явят свою истинную суть, и война начнется на каждой улице, в каждом доме. Так для че-

го же им сейчас нападать на приграничные деревни?

Чтобы ослабить нас? Чтобы отвлечь?

Я закрыл глаза. Мысли толпились, жгли меня и рассыпались пеплом. Я сидел там же, где сидела Арца вчера, я мог протянуть руку и коснуться чашки, из которой она пила. Но сколько ни вслушивался – не мог уловить следы чужой магии, отзвуки древних песен.

Но я знал, где искать ответ.

И обратил мысли вспять. Вспомнил Рощу, вечерний сумрак, журчание ручья, камни, еще хранящие дневное тепло. Берег, где мы с Нимой слушали учителя. Зертилен говорил: «Если вокруг вас слишком много песен, вы тонете в них и не можете совладать с потоком. Или если нет ни одной, пустота – тогда слушайте ту песню, что звучит внутри вас. Поначалу ее трудно услышать, но она всегда вам ответит, даже если смолкнут все песни мира».

Закрыв глаза, я сидел в предрассветной тишине и слушал свою песню.

Моя песня дрожала в глубине сердца, и чем дольше я слушал, тем громче она становилась, струилась в крови, скользила в дыхании. Она то обретала слова – слишком стремительные, не разобрать, – то превращалась в чистый звук, в самую высокую ноту. Я был этой песней, и все же она не была мной.

Дай мне ответ, попросил я.

Песня схлынула, словно отлив, но оставила после себя

мысль, прозрачные камешки слов.

Это значит, что война совсем скоро.

Я зажег фонарь и вернулся в комнату. Высыпал на пол бумаги, привезенные из столицы, нашел ту, что была мне нужна, – карту предгорий. Рилэн пробормотал что-то, но я не мог сейчас ему ответить, мне нельзя было отвлекаться, я шел по невидимой струне. Один шаг в сторону – и я забуду, что должен делать.

Входная дверь заскрипела под моей рукой. Утренний туман стлался к земле – окутывал дом, в который меня привела вчера Аник.

Мне нужно было туда.

Это холодное утро, темное небо, переключка часовых – мешали мне. Мне нужна была уверенность, нужна была сила.

«Когда ты поешь, – говорил Зертилен, – всегда сохраняй в сердце холодную искру. Не дай волшебству унести тебя, не дай захватить полностью».

«Нет, нет, – говорил Кимри, – пусть ничего не останется! Отдай песне свою душу, пусть твоя душа станет песней – тогда ты уничтожишь тысячи, десятки тысяч!»

«Волшебство течет повсюду, – говорила Ора. – Ты всегда сможешь утолить эту жажду, всегда сможешь зачерпнуть силу, из земли, из неба, из своего сердца. И тогда тебе не нужно будет разучивать песни, ты создашь их сам, силой своей жизни».

Зертилен научил меня многим песням, Кимри дал мне од-

ну, а Ора – ни одной, но каждое их слово, каждая искра их волшебства были нужны мне сейчас. Мне нужна была вся Роща. Я собирался сделать то, чего не делал никто никогда.

Я подчиню себе магию врагов.

Я расстелил карту на пыльной земле, придавил камнем, поставил фонарь рядом и принялся за дело. Мне пришлось ходить в дом несколько раз, пока я принес все, что мне было нужно. Я почти ничего не видел среди нагромождения ящиков, в которых хранились вещи врагов. Но я слушал следы магии, они звучали сейчас громче, вспыхивали осколками в сердце – там, где неслышно билась моя собственная песня. Один за одним я вынес из дома восемь прозрачных шаров.

Я раскладывал их на пыльной земле, сверяясь с картой поселений. Небо светлело. Огонь фонаря стал едва различимым, но я не гасил его. Мне пригодится любая сила, даже та, что живет в газовом фонаре.

Все было готово, но я медлил, смотрел на шары и сквозь них – на пыльную землю. А потом, сам не зная зачем, поднялся и вернулся в дом.

Она ждала меня там, где я ее оставил вчера, – флейта, холодная и легкая. Не было смысла ее брать, она бесполезна.

Я едва заметил, как снова оказался на улице, как положил флейту в центр хрустального узора.

Взял последний шар, поднял его, ловя лучи рассвета, и запел.

Кроны деревьев смыкались надо мной, Роща окружала

меня, Зертилен пел вместе со мной, пели Кимри и Ора. Нима обнимала меня, вторила моей песне еле слышно. Каждый волшебник Роши был рядом, каждая птица, каждая травинка отдавали мне свою силу. Потоки волшебства, текущие в земле, и потоки в небе – вливались в мой голос. Ветви деревьев растворялись, корни исчезали, все меркло, оставались лишь хрустальные звезды. Они разгорались все ярче, а земля становилась прозрачной, как в моем сне, а потом растаяла вовсе.

Мое тело исчезло. Я был ветром, я был песней, я растворился в звуке. Созвездие, созданное мной, пылало, и больше ничего не осталось. И я знал – так будет вечно. Ветер никогда не стихнет, песня не смолкнет, не погаснут звезды.

Никогда.

Вокруг меня звучали голоса, на языке был вкус песка, вкус предгорной равнины. Кто-то держал меня за плечи, голова раскалывалась как после затяжной пьянки, меня мутило. Я собрал всю силу воли и открыл глаза.

Мир двоился и качался. Я был где-то под крышей, в полумраке, среди людей. Я видел Тина, Аник, еще кого-то, их лица расплывались, голоса оглушали, резали слух.

– С ним такое уже было, – говорил Джерри. Это он держал меня. – Когда мы в первый раз поднимали лодку в воздух... Он пел полдня, и потом даже хуже было.

– Все нормально со мной, – сказал я. Голос меня не слу-

шался, был хриплым и рвался на выдохе. – Они горят?

Я попытался встать, Джерри помог мне. Мир все еще расплывался, но я уже узнавал эти темные стены, ящики, стол, квадрат света на полу, распахнутую дверь... Мы в доме, наполненном следами древней магии, вещами врагов.

Джерри вывел меня на крыльцо, и я прислонился к стене, закрыл глаза на миг. А когда открыл – взглянул вниз.

Солнце уже поднялось высоко, но земля оставалась все такой же пепельной, бесцветной. Хрустальные шары терялись на ней, были почти неразличимы, пыль уже припорошила их. Только флейта сияла, как отполированный до блеска меч.

– Они горели, – сказал мне Джерри. – Пока ты пел. Потом ты потерял сознание, и они погасли.

Я кивнул.

Я подчинил их. Подчинил себе магию врагов.

– Это было так страшно, – проговорил Тин. Я не видел его – он остался позади, в доме. – Когда ты пел... Как будто душу режут на части.

– Привыкай, – сказал ему Джерри. – Это всегда так.

Ступени закрипели от шагов Аник, песок хрустнул и смолк. Она остановилась возле ближайшего шара, несколько мгновений смотрела на него, потом обернулась ко мне.

– Зачем это нужно? – спросила она.

Мне нравится, когда задают правильные вопросы.

Мысли возвращались, мир уже почти не дрожал.

– Это сигнализация, – объяснил я. – Каждый шар – посе-

ление. Нам не придется патрулировать вслепую. Эта карта покажет, где нападение. Нужный шар будет светиться.

Я закашлялся. Говорить было трудно, слова песком застревали в горле.

Аник нахмурилась.

– Даже если вы полетите на своей лодке, то как это поможет? Вы прилетите, и все уже будет сожжено.

Моя песня искрилась в хрустальном созвездии, накатывала и отступала, как волны, – швыряла сияющие брызги на Аник. Но она не замечала этого, смотрела на меня, ждала ответа.

Я должен рассказать про свой дар.

Никто не знает об этом, даже учитель. Только Нима.

Нима, прости меня, я открою нашу тайну.

– Нет, – сказал я. – Они будут светиться до нападения. Они предскажут нападение.

Все молчали, смотрели на меня. Джерри дал мне сигарету, щелкнул зажигалкой.

Я затаился. Дым был серым, бесцветным, как пыль, как все вокруг.

Как я.

– Я была у Мельтиара сегодня утром, – сказала Амира.

Я смотрела, как она работает: панели машины были распахнуты, двигатель обнажен, и руки Амиры, затянутые в черные перчатки, скользили среди металлических пластин и труб. Я почти ощущала, как машина отзывается на каждое ее прикосновение – поток силы, неукротимый и темный, вспыхивал, пронзительным эхом уходил в высоту, под своды ангара.

Рэгиль сидел, прислонившись к борту, смотрел на свои браслеты. Зеленые и красные сигнальные огни отражались в темном полу.

Поток воздуха хлестнул по лицу, и я запрокинула голову. Черный всплеск крыльев, рывок, смерч – на мгновение превратился в летящую фигуру и вновь унесся ввысь. С тех пор как мы пришли в ангар, Лаэнар был в воздухе.

Мои крылья дрогнули, я не стала удерживать их. Полные силы, они раскрылись, качнулись, зовя вверх. Но я не послушалась, лишь поднялась на цыпочки, напряглась, как струна.

Я почти не чувствовала тела – таким оно стало легким, ни следа вчерашней усталости, ни тени боли.

Ночью, засыпая, я надеялась, что очнусь там же, где закрыла глаза, – рядом с Мельтиаром, в его руках, в тишине, хранящей отзвук его слов. Но я проснулась в своей комна-

те, одна. И все же его дыхание, прикосновения и слова остались со мной, я вспоминала их снова и снова и от этого яснее видела его силу – в каждой машине, в каждом встречном, в каждом из нас. Все мы вспыхнем, засияем ярко, как никогда прежде, – уже скоро, так скоро.

– Что он тебе сказал? – спросила я.

Амира взглянула на меня, но тут же вновь наклонилась к машине.

– Он сказал, я могу усовершенствовать двигатель. – Она говорила тихо, но машина отвечала на каждый звук, электричество трещало, искры вспыхивали где-то в глубине механизма. – Но запретил улучшать остальное. Сказал, что перед началом войны будет время, я сумею сделать все, что захочу. – Она замолкла на миг, но потом качнула головой и договорила: – Сказал, чтобы эти два дня мы его не беспокоили, он занят.

Ветер снова ударил в лицо, швырнул волосы на глаза. Гулкое эхо ушло в пол, в темную глубину. Я взглянула на Лаэнара – только что он мчался в вышине, а теперь стоял рядом. Он дышал тяжело и часто, его крылья все не могли успокоиться, били по воздуху снова и снова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.